Джина Шэй
МОЙ
БЫВШИЙ
БЫВШИЙ
2
16+

Джина Шэй

Мой бывший бывший. Книга 2

Серия «Мой бывший бывший», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67671891
SelfPub; 2022

Аннотация

Бывший муж – это нож между ребер, что мешает нормально дышать. Он способен на любую подлость и ни перед чем не остановится, чтобы получить желаемое.

Некоторые вещи невозможно простить. Он предал её снова, воспользовался доверием, попытался забрать себе их общую дочь.

В этой войне Виктория Титова намерена сражаться до последней капли крови. Вот только теперь Ярослав Ветров всерьез намерен заполучить не только дочь Вики, но и её саму. Вернуть семью… Она думает – ни за что. Он – видит цель, не видит препятствий.

Содержание

1. Догонялки и прочие интересные способы досуга 4
2. Планы на выходные 15
3. Запретный плод 32
4. Тревожные подробности 46
5. Сон вне закона и его послевкусие 60
6. Клуб и кони 73
7. Необходимость поражения 87
8. Спорщики 100
9. Канкан по граблям 110
10. Скачки и прочие неприятности 122
11. Красная карточка для третьего лишнего 131
12. Одна сплошная яма 141
13. Первые шажочки 151
Конец ознакомительного фрагмента. 153

Джина Шэй
Мой бывший бывший. Книга 2

1. Догонялки и прочие интересные способы досуга

Бывший муж – это чума, истребляющая города, угли под босыми ногами, нож между ребер, что мешает нормально дышать.

Если вам в вашей жизни повезло не видеться с этим персонажем вообще, боже, как я вам сейчас завидую…

Лично я в данную минуту своей жизни в срочном порядке нуждаюсь в пересадке донорского везения – с моим совершенно невозможно жить. Ума не приложу, как наглухо невезучих людей вроде меня еще не признают инвалидами. Потому что… Ну нет, это совершенно не понятно, как я с этим вот умудряюсь еще выживать!

Сами представьте: единственное – и ужасно перспективное, вкусное – место работы, что мне обломилось за последние восемь лет, с корпоративными бонусами и отличной зарплатой, я вынуждена делить с бывшим мужем, бросившим

меня восемь лет назад… Оценили уровень везения? О, погодите. Вы еще не все знаете.

Я вижу его прямо сейчас. Вот в эту самую секунду, когда пытаюсь пересечь широкую офисную парковку, чтобы успеть зафиксировать магнитным пропуском свое явление в офис без опозданий. Вижу, и мне отчаянно хочется развернуться и побежать прочь. Куда угодно, лишь бы подальше от этого мудака, чтобы не дышать тем же воздухом, что дышит он.

Только – нельзя, нельзя! Эта работа – то, что вытянет меня со дна и сможет дать шанс в борьбе за мою Маруську. И я не позволю никому себя с неё выжить. Тем более, моему бывшему мужу.

Яр стоит на краю этой самой парковки, недалеко от стеклянных дверей офисного центра. Он совсем недавно – буквально с начала недели – переселился на эту парковку, до этого, как и полагается всякой высоко забравшейся по карьерной лестнице сволочи, Ярослав Ветров и его “авто-гардероб” с лексусом в роли любимого фаворита обитали на подземной парковке руководящего персонала. На месте, оплаченном фирмой, и все такое.

Но с некоторых пор Ярослав Олегович изволит на парковке “для лимиты и шестерок” караулить меня. Я из-за этого даже начала приходить на работу впритык, но он все равно снова ждет меня на одном и том же месте. И в одной и той же позе.

День ото дня на его физиономии усугубляется только выражение драматичной мрачности, все остальное не меняется.

Руки скрещены на груди, костюмчик – отутюженный, “только из химчистки”. Широкоплечий, высоченный – гад, которого так сложно не заметить. От недовольно поджатых губ и прищуренных ярких глаз трепещут пробегающие мимо сотрудницы младшего и среднего звена. Даже те, что не работают в нашей фирме. Ну, конечно, у Ярослава Ветрова же вместо бейджика с должностью – выражение лица «директор по юридическим вопросам»…

Плевать!

Лично мне на него плевать. Трепетать перед ним я не собираюсь, даже если он вдруг окажется свидетелем совершенного мной убийства, и только от него будет зависеть, останусь ли я на свободе или нет.

Хотя…

Если такие вопросы будут зависеть от Ветрова, то сидеть мне долго и не очень счастливо. Какое счастье, что я законопослушная! И не дам ему ни малейшего повода!

Я смотрю мимо и прохожу тоже не обращая на Ветрова ни унции моего внимания. Даже утренний придурок в метро, что пытался ко мне поприжиматься, и тот стоил дороже, чем этот конкретный ублюдок.

– Вика! – требовательный голос Ветрова догоняет меня уже через три шага, как я пролетаю мимо бывшего мужа. –

Вика, подожди!

Да-да, бегу и спотыкаюсь, мой фюрер.

– Как ты умудряешься так летать на таких каблуках? – Ветров, чуть запыхавшийся – я ставлю этому достижению зеленую галочку «выполнено», – пристраивается сбоку и пытается выглядеть безмятежным. Вот только зря он пытается. Я еще не страдаю маразмом и не забыла…

Ничего не забыла…

Если честно, когда я думаю о том, что он собирался провернуть за моей спиной, мне в это даже поверить сложно.

Нет, я знала, что он может, и не такое может, нет в этой жизни ничего такого, что остановит Ярослава Ветрова от претворения в жизнь малейшей его прихоти, но…

Забрать ребенка у меня. У матери, которая выносила малышку под сердцем, шесть часов рожала и восемь лет изо всех сил старалась, чтоб её бусинка росла как можно счастливей…

Господи, как я не порвала ему глотку, как только узнала про этот проклятый иск?

Я помню: мне было сложно…

Тогда, впервые в жизни, я так натурально хотела крови – настоящей крови живого чело… Ярослава Ветрова, – что аж глотку сводило от этого желания.

– Вика, давай поговорим, – Ветров прихватывает меня за локоть, пытаясь замедлить хоть на секунду, но тут же получает этим самым локтем в солнечное сплетение. Вместо ты-

сячи слов!

Ветров переносит удар стойчески – без криков и мата, только жадно хватает воздух ртом. Жаль: мне бы хотелось его боли. Можно – целый океан. А достается – капелька из пипеточки.

Ладно, обойдемся капелькой. Тоже приятно.

Обидно только, что он слишком быстро восстанавливает свое дыхание, – я надеялась, что он отстанет от меня хотя бы минут на семь, чтоб я успела нырнуть в лифт без него. Увы. Догоняет меня у пропускного пункта, а потом – и за ним.

– Сколько ты планируешь от меня бегать? – тихо шипит Яр, вставая за моей спиной и склоняясь к моему уху. Куда ближе, чем это допустимо. Я бы вообще предпочла, чтобы он ко мне не подходил, ближе чем на пять метров.

Сколько нужно, столько и планирую. И игнорить этого мудака я собираюсь примерно столько же.

Лифт, ура!

Вот только… Только, как назло, народу – прорва, и Ветров за моим плечом так быстро отставать не собирается.

Мне приходится пойти на обманный маневр, шагнуть к лифту, уловить краем глаза качнувшегося за мной бывшего, и в самый последний момент сделать шаг назад, пропуская Ветрова вперед. Какой-то более торопливый менеджер замечает мое отступление, мысленно крутит у виска – дура, ты же тоже опаздываешь, – и занимает мое место, проталкивая Яра вглубь кабины.

Выскочить следом за мной Ветров не успевает.

Фух!

Господи, на какие только глупости не приходится идти, чтобы избежать его компании…

Я поднимаюсь на втором лифте, правда он прибывает на минуту позже, чем мне нужно. А это значит…

А это значит – взбучка!

Правда, до неё я пришибленно выскальзываю из лифта и оглядываюсь. Переводческий отдел, увы, находится на одном этаже с юридическим, и уже два раза случилось такое, что Ветров дождался меня здесь, пытаясь добиться разговора.

Как будто я имею желание носить на своих ушах полтора килограмма той лапши, что он собирался мне навесить. Нет, спасибо, я предпочитаю сережки.

Ура, его здесь нет. И сквозь стеклянную дверь я даже вижу Ветрова в его отделе, кого-то распекающим. Или что-то разъясняющим? В любом случае, выражение лица у него раздраженное. Красота!

В какую-то минуту он чуть поднимает взгляд и, замечая меня, напрягается. Будто уже готов сорваться с места и загнать меня в угол.

Ага, сейчас, буду я тебя дожидаться!

Я разворачиваюсь – пожалуй, с меньшим достоинством, чем хотела бы, но спешка требует забить на гордость (у меня, в конце концов, работа) – и иду в свой отдел.

Разумеется, насчет взбучки я не ошибаюсь.

В холле переводческого отдела тишина – все сотрудники уже рассосались по своим кабинетам, корпят над выданными заданиями. И только одна – худощавая девица с затянутыми в тугой узел на затылке волосами и строгом брючном костюме, кстати, делающем её довольно угловатой, стоит с демоническим выражением лица и смотрит на часы.

Ждет меня!

В последнюю неделю наши отношения еще более обострились…

Казалось бы, общеизвестно, что её подруга бросила Ветрова сама, не согласившись выходить замуж с перспективой воспитания чужого ребенка – моей дочери, кстати, той, что Ветров собирался у меня забрать.

И все равно Анджела Леонидовна упорно докапывается до меня. Исключительно по рабочим вопросам, конечно, до того она два раза подставляла меня куда как крупнее, но все-таки, иногда мне казалось, что Анджела взяла себе за цель стать моим стресс-фактором и любой ценой готова выжить меня из Рафарма.

И что я ей сделала, она ведь выше меня по должности? И вообще, я – простой переводчик, Анджела же – заместитель начальника отдела, выше нее только звезды и начальник отдела. Тем более, она вообще не занимается переводами, только организацией трудового процесса. Чем ей вообще мешаю я, если её подруга больше не заинтересована в заму-

жестве с моим бывшим? Может, я ей в прошлой жизни денег должна была и так и не отдала?

Хотя ладно, сейчас я получу за дело…

– Виктория! – свистяще выдыхает наш тайм-менеджер, впиваясь в меня такими злющими глазами, будто я не на две минуты опоздала, а на два часа.

– По пропуску я была в здании в пятьдесят семь минут, – пусть я и знаю, что, действительно, опоздания тут – непозволительная роскошь, но давать себя откровенно размазывать не хочу, – у лифтов была очередь, потому я приехала позже.

– Трое сотрудников юротдела успели прибыть на рабочее место вовремя, хотя их пропуска были зафиксированы позже вашего, – убийственным тоном чеканит Анджела, скрещивая руки на груди, – то есть вы опоздали по собственной халатности.

Наблюдательная какая. И юристов через стеклянную стену холла увидела, и время их прибытия уже глянула.

Да наверняка она замерила даже то, сколько секунд я вертела головой уже после выхода из лифта. И даже их успела вписать в перечень моих преступлений.

– Такого больше не повторится, Анджела Леонидовна, – покаянно вздыхаю я.

Увы мне – я говорю это уже второй раз на этой неделе. И увы, даже не представляю, как именно мне решить этот вопрос.

– Ох, и напрашиваешься ты, – шепотом ворчит на меня

соседка по кабинету, – Анджела ведь имеет право за опоздания на тебя докладную накатать.

И даже не сомневаюсь, что она обязательно это сделает. Как только моих косяков накопится слишком много. Только не могу же я приезжать на работу на час раньше, чтобы не попасться Ветрову.

Я должна отвозить дочь в гимназию, она еще недостаточно взрослая, чтобы ездить туда самостоятельно.

– Он снова тебя караулил? – тихонько хихикает из угла кабинета Наташа – билингва, что умудряется иногда при разговоре смешивать русскую и японскую речь. Девчонки из отдела находят сталкинг Ветрова чем-то интересным и даже слегка романтичным. А я с удовольствием бы всю эту сомнительную романтику кому-нибудь передарила.

Чтобы ответить, мне оказывается достаточно мрачного кивка.

Как я и думаю, девчонки тут же начинают переглядываться с понимающими ухмылками.

Что понимающими?

Ах, ведущий юрист концерна только-только порвал с невестой и принялся бегать за мной?

Так он не потому бегает, что пылает ко мне какими-то чувствами. Он делает это, потому что хочет все и сразу.

Встречи с дочерью до установления его отцовства, например.

В этих самых встречах я ему, разумеется, уже две недели

отказываю.

Да, это стоило мне тяжелого разговора с дочерью, да, я еще долго в кошмарах буду видеть худенькие, подрагивающие плечики Маруськи и слезки на её щеках, но зато и Ветров не получает ничего из того, что хочет.

Теперь у него нет возможности охмурить мою дочь. По крайней мере, пока суд не установит официальный график встреч. Но и сейчас она хотя бы будет знать, чего он хочет.

И все-таки, моя связь с дочерью достаточно сильна, чтобы я в ней не усомнилась. Она не Павлик Морозов, её не купишь. Она даже перестала носить подаренные Ветровым платья – принципиальная плюшка.

Хотя вот этого я не просила…

– Вика, телефон! – из работы, которой я пытаюсь изгнать из своей головы мрачные мысли, меня выдергивает щипок повыше плеча. Щипала Алиса – потому что, сцепившись с особенно заковыристой японской фразой, я и вправду не услышала, как звонит над ухом рабочий телефон. На определителе – номер начальника отдела.

Ну, спасибо, что не гендиректора.

Что, кстати, абсолютно не шутка: он из раза в раз подкидывает мне свои личные задания помимо основной текучки. И позвонить он может. И вот его лучше не заставлять ждать – Эдуард Александрович может и спуститься со своего поднебесья, чтобы тяжелым асфальтоукладочным катком своего праведного гнева нерадивого сотрудника раскатать.

– Давно он трезвонит? – полузадушенно шиплю я, решив, что в этой ситуации лучше понять, с каким покаянным голосом поднимать трубку, а один лишний гудок беды не сделает.

– На второй заход пошел, – безжалостно сообщает мне Алиса и я понимаю: моя песенка спета. Настолько покаянного голоса у меня просто нет.

Ладно, будь что будет!

– Слушаю, Николай Андреевич?

– Давай ко мне, сию же секунду! – жестко бросает Ник, а после – швыряет и трубку.

Ох, ну и зверский же у него тон, меня аж мороз продрал. Он ведь, когда в хорошем настроении, – ужасно обаятельный и приятный тип. А сейчас… Такое ощущение, что и он сегодня на меня обозлился, ни с того, ни с сего!

Неужто Анжела уже сообразила свою докладную?

2. Планы на выходные

Мне казалось, когда я шла по коридору к кабинету главы отдела, вслед мне сама вселенная тихонько наигрывала траурный марш.

Ник, конечно, волшебный и убивать меня не будет – в конце концов, между нами ничего не окончилось, и с работы он меня упрямо отвозит домой. Хотя я представляю, сколько у него на бензин уходит, с его-то прожорливой тачкой… Но это все – личное.

А в рабочих вопросах Николай Андреевич суров, да и вообще, личное с рабочим в одном коктейле не мешает. Поэтому у двери его кабинета я остановилась, втянула воздух, пытаясь «надышаться перед смертью», и постучала, перед тем как войти.

– Можно? – задаю с порога животрепещущий вопрос, упираясь взглядом в рабочий стол Ника.

Пустой рабочий стол. А где?..

– Нужно, – мягко комментирует Ник из-за моего плеча, легким нажатием ладони закрывая за мной дверь. Он меня караулил прямо тут, у двери…

– Вы вызы…

Я не успеваю договорить. Только повернуться к нему, и то не полностью.

Ник падает на меня, словно тигр, одним плавным движе-

нием притискивая к двери, и целует. Глубоко и требовательно. Ох-х…

Тепло снова потекло по моим венам. Жизнь начала приобретать приятный градус. Все-таки, служебные романы имеют свои плюсы…

– Да, я тебя вызывал! – выдыхает Ник, выписывая моим губам вольную.

– Эй, ты что, меня нарочно припугнул? – пищу я возмущенно, когда до меня доходит глубина его коварства. Я ведь ожидала ледяного душа, а получила – жаркую баньку. – Я думала, тебе Анджела Леонидовна на меня донос накатала, и ты решил, что мою казнь откладывать нельзя.

– Ну… – Ник задумчиво оглядывается на свой стол, и я понимаю: донос все-таки имеется, – знаешь, тебе не стоит беспокоиться на этот счет. Точно не насчет Анджелы. Её докладные сейчас особо не идут в расчет.

– Это почему? – я удивленно уставляюсь на него. Если я правильно помню, в самые первые мои рабочие дни здесь Анджела позиционировалась как лютый спец, которой не рекомендовалось попадать на карандаш. А тут вдруг…

Ник недовольно морщится и покачивает головой.

– Давай не о ней, – хрипло требует он, – давай о тебе. Ты потрясающе целуешься, ты в курсе?

Я снова не успеваю ответить – моему языку снова предлагают другое, более увлекательное занятие.

– Теперь в курсе, – удовлетворенно кивает Ник после,

прижимаясь к моему лбу своим. Как жадно он, однако, дышит…

– Что-то случилось? – тихонько спрашиваю я, позволяя себе нырнуть ладонями у него под локтями. Он даже на ощупь крепкий и надежный. И все же, чтобы он вот так себя вел прямо в начале рабочего дня – это все-таки ново.

– Ну, – Ник фыркает и забирается пальцами в гриву моих распущенных волос, – меня уже затыркал наш драгоценный новый представитель господина Такахеды. Столько юридических формулировок затребовал под уточнение, что мне хочется повеситься. Он определенно добивается, чтобы мы выдали ему для контакта тебя.

– Я могу, – хмуро вздыхаю я, хотя, если честно, перспектива регулярных встреч с настойчивым Ютаку меня не очень вдохновляет.

– Да вот еще, – глаза у Ника ревниво щурятся, и он крепче ко мне прижимается, – обойдется. Может, мне и расписание свиданий для вас составить?

– Интересная идея, – чуть улыбаюсь я, а потом сильнее давлю на лоб этого ревнивца и впиваюсь в него серьезным взглядом, – Ник, ты ведь не серьезно сейчас, так ведь?

Спасибо, хватит с меня патологических ревнивцев. Мне за глаза хватило Ветрова в нашей с ним совместной прошлой жизни.

– Нет, не серьезно, – Ник с невеселым вздохом отрицательно качает головой, – почти не серьезно. Вик…

– М? – касаясь пальцами его колючей щеки, интересуюсь я. Хотела б я распутать те напряженные мысли, что чувствуются даже во взгляде моего терпеливого кавалера. Уж он-то прекрасно справляется с тем, чтобы развеять мои тревожные…

А Ник только крепче прижимает меня к себе, затапливая меня своим теплом еще сильнее. И дыхание у него становится только жарче.

– Знаешь, мне все сильнее не хватает тебя по ночам, – негромко произносит он, глядя на меня так, что по коже ползут мурашки. Что он имеет в виду – прекрасно понятно.

Ну, мяу…

Я давно не заводила таких удаленных от моих Люберец отношений.

– Мы же уже говорили об этом, – я виновато опускаю глаза, – уезжать на ночь от дочери не та идея, что мне по вкусу. Плюшка очень тревожная. Моя мама просто не успеет отвезти её в школу. А тащить тебя к нам в люберецкую двушку, на скрипучий диван…

– Я, между прочим, согласен и на этот самый скрипучий диван, – тихонько вздыхает Ник и снова жалит мой рот своим, на этот раз – кратко, – только ты против нашего тройничка. Наверное, боишься, что не выдержишь конкуренции, и что я и твой диван больше никогда не сможем расстаться…

– Эй, как ты догадался? – я хихикаю, строя покаянные глазки. – Он так эротично стонет. Я так не умею!

– Вик… – Ник издает такой красноречивый тяжелый вздох, что мне даже становится стыдно. Он и вправду кажется распаленным, а я еще сильнее его дразню.

– Ну, прости, – выдыхаю я виновато, – я хотела сказать, что тройничок с моим диваном и мамой в соседней комнате – это далеко не самая заветная моя эротическая фантазия. Думаешь, у меня слишком устаревшие взгляды на жизнь?

– Нет, они все-таки обоснованы на понимании твоих эрогенных зон, – Ник снова вздыхает, но потом – улыбается с неколебимой уверенностью, – поэтому я и хочу сделать тебе предложение.

Я не попадаюсь в эту ловушку для наивных барышень, что воспринимают слово «предложение» лишь в матримониальном контексте – хотя глаза у Ольшанского и поблескивают хитринкой, он явно на это рассчитывает. Я лишь вопросительно задираю бровь. Ник смотрит на меня пару секунд, понимает, что я не повелась, и досадливо морщится.

Нет, мне не стыдно, Ольшанский, даже не надейся! Лучше покайся, что ты там придумал.

– Я предлагаю провести выходные втроем – на нейтральной территории, – емко сознается он, – я знаю приличный конный клуб, у них можно арендовать домик на выходные. Ты говорила, что Маша обожает лошадей? И я буду очень рад познакомиться с твоей дочерью получше.

Ох, и крепко же он взялся за меня, однако…

– Можно, я присяду? – произношу я медленно, всячески

подавляя мелкую дрожь в пальцах.

Ник невесело вздыхает и отодвигается, выпуская меня на волю, ведет в воздухе ладонью в сторону уютного замшевого диванчика, выписывая безмолвное разрешение располагаться.

Я принимаю – устраиваюсь в уголке этого самого дивана, с трудом подавляя в себе желание сбросить туфли и подобрать ноги под себя. И юбка узкая, и ситуация кажется такой неподходящей.

Боже, как же бесит. Что мне вообще мешает чувствовать себя в присутствии Ника комфортно? Будто и не симпатичный мужчина сейчас смотрит на меня, поедая приятным откровенным взглядом, а самый настоящий Чужой облизывает хищную пасть.

Ник, кажется, всерьез надеялся, что я просто возьму и соглашусь, но, увы, мелкая дрожь, что трясет меня изнутри, мешает это сделать. Если честно, я бы очень хотела взять и согласиться. Просто согласиться. Без всяких обсуждений. Что в этом такого?

Ник взрослый мужчина, да и я – не девочка шестнадцати лет, которой законом запрещено даже думать «об этом».

Уже на второй день, когда ухаживания Ника стало невозможно игнорировать, – да, я приняла как факт, что мне было бы приятно, если бы эти отношения все-таки начались.

Отношения, да!

Пусть полно усложняющих факторов: есть настырный

японец, которому не пойми что от меня надо, есть Ветров, который умеет испортить настроение одним только косым взглядом, а взглядом Ярослав Олегович никогда не ограничивается. Вечно влезет, вечно прицепится – хорошо, что пока словами, хотя Ник уже пару раз порывался разобраться с ним «раз и навсегда». Но это все равно отношения, которых я хотела. И я упрямо держусь за Ника, потому что пока он рядом, мне хотя бы не больно. Почти не больно.

И я его – почти не сравниваю.

Вот только отношения – это вполне конкретное явление. И отношения между взрослыми людьми обязательно задевают и интимную сторону вопроса. У нас это будет уже далеко не первое свидание, а если вдумчиво посчитать, – даже не шестнадцатое. Пусть мы и делили на двоих почти каждый вечер, когда Ника не утягивали в командировки и на внеплановые переговоры, какая разница? Меня в любом случае никто не осудит.

Пожалуй, кроме меня же…

– А что за клуб? Ты уже присмотрел? – мне приходится придумывать вопросы, чтобы занять эту молчаливую паузу.

Ник тянется к столу, выуживает из-под какой-то папки голубой буклет с белогривой непарнокопытной красоткой, протягивает мне.

Он действительно готовился!

Мне становится немножко стыдно, потому что он ведь на самом деле заморачивается, чтобы организовать наш с ним

досуг. И тем не менее, буклет я вдумчиво листаю, проглядываю фотографии лошадей, тренеров, вольеров и тропинок для верховых прогулок.

Хороший клуб, кстати. И ехать не так долго, как могло бы показаться. Можно даже рискнуть выехать в пятницу вечером, чтобы у Маруськи было два дня с лошадьми. И с Ником.

Долистываю до прайса. Вот! Это, кстати, повод соскочить. Потому что клуб этот – довольно дорогое удовольствие.

– Это будет затратно для меня, – негромко сознаюсь я, поднимая глаза, – ты ведь знаешь, я делала задаток для адвоката с аванса. У меня, конечно, осталась часть премии, но…

– Вика, не юли, – Ник встряхивает головой, будто отбрасывая это мое возражение, – аренду оплачиваю я. С этим даже не думай спорить. Я тут заинтересованное лицо, мне и тратиться. Развлечения и питание…

– Пополам! – вклиниваюсь я до того, как он взял на себя и эти траты. – Извини, но у меня тоже есть принципы. За себя и Маруську я заплачу сама.

Ник смотрит на меня с изучающим прищуром, а потом фыркает и покачивает головой.

– Знаешь, я никак не могу избавиться от ощущения, что ты здорово обожглась на всяком сброде и теперь меряешь меня по ним. Я не буду слать тебе счета за купленный кофе и требовать разделить расходы. Это я тебя приглашаю. Мне и платить.

Не так уж он и не прав, на самом деле, говоря про «сброд».

И Руслан, и Ветров отлично подходят под это описание, да и прочие мои «варианты» были не особенно лучше. Оглядываясь назад, можно сделать вывод: у меня действительно ужасный вкус на мужчин. Который, как я надеюсь, мне удалось оставить в прошлой жизни, до Рафарма.

Ник – хороший. Очень хороший! Просто хрустальная туфелька, а не мужик, аж дохнуть на него страшно – вдруг рассыплется? Я очень боюсь, что рассыплется…

– И все-таки я настаиваю, – упрямо поджимаю губы я, – я не хочу чувствовать себя настолько обязанной тебе. Хотя я, конечно, не против, но только если чуть-чуть. В рамках адекватного, чтоб меня не сожрала ни жаба, ни совесть.

– Это значит, что ты согласна? – Ник широко улыбается, склоняя голову набок.

Оп… Я и не заметила, как попала в эту ловушку. И с его стороны чертовски мило дать мне шанс отказаться.

Я молчу, барабаня пальцами по цветному буклету. Ужасно хочется попросить время подумать, но блин, сегодня среда, какое тут подумать, если да – значит, я должна уже сегодня начать собирать Маруське вещи на ночевку. Да и себе тоже.

Решу «подумать» – это будет точно «нет», и зачем в этом случае мурыжить Ника?

– Вик, – Ник произносит это терпеливо, будто разговаривает с упрямой маленькой девочкой, – скажи, чего ты боишься? Меня? Думаешь, я поедаю по ночам с субботы на вос-

кресенье симпатичных девушек?

– Кто тебя знает, – я меряю его ироничным взглядом, – эта суббота, часом, не полнолуние?

– Я могу поклясться, что у меня на тебя куда более долговременные планы, – Ник целует меня в запястье, придавая взгляду еще больше откровенности, но потом все-таки добавляет, крепко сжимая в своих теплых пальцах мою ладонь: – А если серьезно, Вик? В чем наша проблема?

– Ты, вообще, уверен, что хочешь выходных с моей дочерью? – тихо спрашиваю я, внутренне отвешивая себе пощечину за неискренний ответ. – Маруська очень открытая, подвижная, шумная… И мы можем обдумать иные варианты…

И я смогу выиграть себе время. Хоть неделю бы еще… Вдруг – все-таки щелкнет?

– Вик, – Ник качает головой, твердо перебивая и мои сбивчивые возражения, и мои мысли, – я не хочу искать другие варианты. Видишь ли, если быть до конца ч, я боюсь. Вдруг ты решишь, что я несерьезно к тебе отношусь? Вот эта вся новомодная чушь про «без обязательств» мне к черту не нужна. А ты нужна. С дочкой, с мамой, с тремя котами и крокодилом, если вздумаешь его завести.

– Ты говорил, что у тебя аллергия на кошачью шерсть, – ворчу я, хотя, если честно, замерла, цепляясь за эти слова.

Это вам не «девочка для сброса напряжения», не так ли?

В конце концов, чем я рискую? Ник уже представлен Маруське как «мамин друг», и нанести ей травму этими выход-

ными вряд ли удастся. А ей не помешает доза положительных эмоций – она все-таки хандрит. Получить долгожданного папочку и тут же остаться без встреч с ним оказалось слишком грустно для моей малявки.

Может, лошадки, которыми заклеен весь её девчачий дневник и забита галерея фоток в телефоне, смогут её порадовать?

Ну, а Ник, может быть, сможет порадовать меня?

В конце концов, должно же существовать в этой Вселенной лекарство, что заставит меня смотреть на Ярослава Ветрова и не испытывать к нему ничего, кроме отвращения.

Боже, как я хочу, чтобы Ник стал этим лекарством…

– Я заберу это с собой, ладно? – я закрываю рекламный буклет конного лагеря «Артемис» и твердо гляжу на Ника.

– Чтобы придумать, как отказаться? – Ник оказывается то ли чуть прозорливей, чем мне казалось, то ли чуть пессимистичней.

– Чтобы показать Маруське, – фыркаю я и поднимаюсь. В этот раз я подхожу к нему уже сама, прижимаясь к гладкой дорогой ткани его серого костюма и касаясь пальцами лацкана пиджака. – Ну, и чтобы хотя бы приблизительно спланировать наш заезд.

Кажется, в глазах у Ника загораются звезды.

И теплые пальцы ложатся на мою щеку и ведут по скуле, от виска к подбородку.

– Даже не верится, что ты согласна, – негромко произно-

сит Ник.

Да мне самой в это верится с трудом, но сколько можно мурыжить взрослого мужика?

– Пойду-ка я поработаю, для разнообразия, – ворчу я, после еще одного короткого, но вдумчивого поцелуя, – а то меня обвинят в снижении твоей рабочей эффективности.

– Наоборот, – Ник тихонечко ухмыляется, но позволяет мне выбраться из его теплой хватки, – ты только вдохновляешь меня на трудовые подвиги. Пара поцелуев – и я встану из могилы, такой будет прилив сил.

– Ну, значит, сил до конца рабочего дня тебе хватит, – прикидываю я в уме количество поцелуев, – и срочных мер спасения не потребуется.

– Ну, если прибудет младший Такахеда, возможно, и потребуются, – хмыкает Ник с шутливой грозностью, а потом, когда мои пальцы сжимаются на ручке двери, добавляет: – я закажу нам коттедж. На все выходные.

– Спасибо, – я оборачиваюсь, запасаясь его теплым взглядом как оберегом. Пусть он придаст мне сил, что ли. В конце концов, рабочий день в самом разгаре, вдруг понадобится?

– Спасибо, что согласилась, – кивает Ник, и грозно хмурит брови: – марш работать! А не то придется тебя наказывать.

– Напиши список до выходных, как и за что будешь наказывать, я обязательно рассмотрю и скажу, на что согласна, – я показываю Нику язык и все-таки сваливаю из его кабинета,

натягивая на лицо самую деловую из всех моих физиономий.

О наших отношениях, впрочем, и так знает весь отдел. Уж больно много глаз можно собрать, даже когда по вечерам вместе спускаешься на парковку. Так что урожай заинтересованных взглядов из-за стеклянных стен кабинетов младшего звена я собираю хороший. И чего они, спрашивается, выглядывают? Признаки растрепанности и других последствий страстного соития на этом самом начальственном ковре?

Как будто мы с Ником настолько дураки, чтобы так рисковать рабочими местами. Десять минут пообниматься – это еще можно, это допустимо рамками регламентированных ежечасных перерывов. А что-то иное…

Ну нет, тут меня десять минут не интересуют и не впечатлят.

Работа ждет меня – увы, ровно столько же, сколько её и было до того, как я ушла «на ковер» к начальству. Кучка не уменьшилась, как грезилось мне в волшебных мечтах. Хотя нет, не столько же. Из юридического отдела прилетает два письма на перевод, с пометкой «срочно» и фамилией генерального в реадресации. О, кстати, уведомление о выполнении задачи полетит и Козырю.

Ну, срочно так срочно. Работа есть работа, даже если её предполагается делать для Ветрова и его подчиненных.

Два часа до обеда пролетают незаметно. Настолько незаметно, что я бы и не заметила, что время прерваться, если

бы сердобольная Алиса не потолкала меня в плечо.

– Не ждите, у меня два предложения осталось, – произношу я, оборачиваясь и протирая пересохшие глаза, – закажи бизнес-ланч на меня, пожалуйста.

– Трудоголизм – ужасная болезнь, – ворчит Алиса, но уходит вместе с девчонками. Переводческий отдел быстро пустеет, в холле дотошная Анджела даже вырубает свет – в рамках экономии, конечно.

Ну и хорошо. Тем проще будет закончить – при минимуме стороннего шума.

Я добиваю эти чертовы предложения за десять минут. Еще десять уходят на то, чтобы пробежаться по тексту писем глазами и переформулировать те места, которые получились уж слишком корявым подстрочным переводом.

Ладно, я быстро ем… Но это того стоило. Зато можно с чистой совестью самолично отправить Козырю уведомление о завершении его задания. Вот пообедает он, и…

Телефон на столе начинает вибрировать под моей ладонью – я как раз к нему потянулась.

Эдуард Александрович…

– Я думала, вы ушли обедать, – от удивления я даже забываю поздороваться с нашим генеральным.

– Тут пообедаешь, – мрачно откликается Козырь, а затем довольно быстро инструктирует, – Вика, отнесите письма юристам. Ветров их там дожидается. А… Блин!

– Может, я лучше сдам их Марии Игоревне? – спрашиваю

я осторожно.

Мария Игоревна – это уже наш секретарь, по отделу. Именно она и занимается разносом корреспонденции как внутри нашего отдела, так и от нас – в другие.

– Она не на обеде? – удивленно уточняет Козырь, но не дожидаясь, отрезает: – Вика, несите сами. Чем меньше рук проходит переписка, тем лучше. Какие-то проблемы?

– Н-нет, никаких проблем, – произношу я, внутренне натягиваясь струной. Но рабочие вопросы не терпят личных конфликтов.

Я могу сколь угодно ненавидеть Ветрова, но я не имею права саботировать рабочие задачи.

– Давайте, Вика, бегом. И с обеда можете задержаться, – напоследок выдав сладкую пилюлю, Козырь сбрасывается. Только одной пилюли маловато будет при такой-то бочке дегтя, как встреча с Ветровым…

Ладно.

Зря, что ли, я «запасалась» теплом Ника? Как раз для таких случаев!

А руки, которыми я собираю бумаги со своего стола, все равно трясутся…

В юридический отдел я иду торопливо. С одним только желанием: побыстрее разделаться с этим вопросом.

Чтобы не замедляться по мере приближения к кабинету Ветрова, приходится прилагать усилия.

Итак, я приду, положу письма ему на стол и свалю. Го-

ворить с ним мне не обязательно. У него там тоже срочные вопросы, которые ждут этих чертовых переводов, ему не до меня.

А может, мне вообще повезет, и отдавать я буду не ему, а его секретарше…

Мне не везет.

Приемная у Ветрова пуста, ровно как и восемьдесят пять процентов юротдела. Кто-то из работников еще встречается в отдельно взятых кабинетиках за стеклянными стенами, трудоголиков у юристов больше, чем у переводчиков. Хотя юристов полный штат. У нас – закрыт на три четверти. Ник говорил, что трое новичков вот-вот поступят в наше распоряжение, ждут резолюции службы охраны, но это все-таки все равно будет недокомплект. За что Кристина Сергеевна получает свою зарплату, мне все менее ясно…

У двери кабинета Ветрова я замираю и, прикрыв глаза, загадываю желание.

Пусть его не будет. Если двери заблокированы электронным замком, я имею право с чистой совестью уйти на обед, забрав перевод с собой. А потом передам секретарю…

И я не буду виновата.

Я поворачиваю ручку и толкаю дверь.

Ну же, ну…

Опять облом. Дверь открывается.

Ладно.

Я быстро. Зайчиком.

Ветров стоит у панорамного окна спиной ко мне, любуется на город, раскинувшийся у его ног, и треплется с кем-то по телефону. Я не вслушиваюсь и вообще стараюсь ступать и дышать потише, чтобы, не дай бог, его не отвлекать, но…

Господи, зачем я надела эти каблуки?

В какой-то момент я ступаю неловко и у меня подворачивается лодыжка, ничего страшного, но я все-таки ойкаю, и Яр тут же рывком разворачивается от окна, впиваясь в меня голодным взглядом.

– Я перезвоню, – хрипло выдыхает он и тут же сбрасывает звонок, даже не дождавшись ответа своего собеседника.

Я заставляю себя проглотить ничтожную боль в суставе и, преодолев последние два шага до стола Ветрова, роняю на полированную столешницу стопку листов с моим переводом. Никаких комментариев – он в курсе, что я ему принесла.

Все, теперь – бежим…

Наивная дура…

Яр догоняет меня у самой двери, придавливая её перед самым моим носом, перекрывая мне путь к свободе.

– Не спеши, Викки, – мягко шипит этот гад, склоняясь к моим волосам, – нам уже пора поговорить, разве ты так не думаешь?

Чёрт возьми, как просто я попалась!

3. Запретный плод

Разворачивается ко мне Викки медленно, бледная и дрожащая от кипящей в ней ярости. Впрочем, я этот взгляд выдерживаю спокойно. Никак иначе она сейчас смотреть на меня не может. Еще слишком рано.

Тем более, сейчас, когда она от меня даже сбежать не может.

– Суд уже на следующей неделе, – я роняю ладонь и справа от лица Викки – склоняюсь к её лицу еще ближе, – дай мне встретиться с Машей. Сейчас ведь я ничего не успею провернуть, ничего из того, чего ты боишься. За одну неделю невозможно убедить ребенка, что со мной ей будет лучше. Так что прекращай. Я хочу с ней просто погулять. Можешь присутствовать, убедишься, что никакой крамолы я ей не говорю и против тебя не настраиваю.

Так будет даже лучше.

И Машутка любит, когда мы оба с ней рядом, да и в моих интересах, чтобы моя Викки была рядом со мной. Куда больше удобных возможностей открывается.

Я надеялся услышать ответ – положительный хотя бы, хотя на самом деле сошел бы хоть какой. Он бы уже означал, что мы сдвинулись с мертвой точки её беззвучного игнора моей персоны. Невозможно выиграть в споре, если твой оппонент никак не вступает с тобой в дискуссию.

Вот Викки и пользуется этим паскудным правилом. Молчать до конца, до победного, не унижаться ни на какие просьбы, ведь я надолго её не удержу – буду просто вынужден отпустить её по истечении перерыва.

Поэтому она упорно молчит, настолько язвительно улыбаясь, что яснее некуда: хоть какого-то ответа я от неё добьюсь только пытками.

Не хотелось бы.

Ну – или хотелось бы…

Если быть откровенным до конца, немалая часть меня надеется, что Викки продолжит упрямиться и что мне удастся претворить в жизнь ту часть моего плана, что считается сомнительной с точки зрения морали, но точно будет действенной.

Ну, не сможет она вот этот фортель мне спустить беззвучно. Она – взорвется. Я её знаю.

Да, она повзрослела, научилась держать свой буйный темперамент в узде, но не такая уж и крепкая та узда. И уж я-то примерно представляю, чем высвободить наружу весь этот тайфун.

Но пока нет, пока держимся и даем шанс на «мирное» разрешение конфликта.

– Вик, я ведь не выпущу тебя до тех самых пор, пока мы не обсудим нашу с тобой ситуацию, – замечаю я спокойно, тайком любуясь её красивыми, такими мягкими губами этой упрямицы. Боже, дай мне повод. Пусть она и дальше мол-

чит…

Молчит…

Как же ты меня радуешь, Викки!

– Ну что, хочешь, чтобы я начал добиваться от тебя ответов по-плохому? – я старательно прячу в своем голосе предвкушение. – Милая, я ведь прекрасно помню, как решаются проблемы твоих бойкотов. Неужели ты думаешь, я забыл, как это делается?

У Викки расширяются глаза – она помнит. Боже, какой же это кайф, что она помнит. Все это настолько мне на руку, что я бы счел это невозможным, если б сам не видел.

Викки пытается сделать шаг назад, только ходить сквозь двери не по силам даже такой умнице. А дверь я успел заблокировать, черта с два она теперь выйдет, пока я не введу код электронного замка.

– Не убежишь, не-а, – шепчу я, с удовольствием касаясь пальцами упрямого подбородка бывшей жены. А потом скольжу вниз, ожидая, что вот сейчас она взорвется, вспылит, снова попробует меня ударить. У неё есть все возможности, и я даже уворачиваться не собираюсь, но пока она этого не сделала, у меня есть её нежная кожа под самыми кончиками пальцев, краешек воротника блузки и маленькая белая пуговка, за которую я успеваю зацепиться перед тем, как становится совершенно невозможно видеть что-то кроме этих бездонных, таких красивых – и таких оторопевших глаз.

А потом – будто гром гремит.

Три недели игнора.

Пока мы были женаты, самый её максимум был дня три. Потом я терял терпение.

Сейчас – я теряю контроль.

Хотя исход в любом случае – один и тот же…

Викки коротко вскрикивает, будто я не губами впиваюсь в её шею, а вонзаю кинжал прямо в сердце, не промахиваясь. Этот вскрик – будто тревожный глас набата: скоро, безумно скоро Викки вырвется из плена своего ступора, и снова все станет плохо. Может быть, даже еще хуже, хоть это и сложно представить.

Так что терять уже совсем нечего.

И целовать, целовать её шею до изнеможения, сверху донизу, особо даже не целясь, а ладонями – ладонями стискивать гибкое, желанное тело, прижимать её к себе так жадно, чтобы она хоть на толику ощутила, как я схожу с ума от неё. С каким бы удовольствием я сейчас измял эту дивную узкую юбку…

Ох, Викки, мой самый любимый запретный плод, так бы и вкушал, не отрываясь, пока сердце не остановится…

– Прекрати, прекрати, прекрати, – твердые кулачки Викки будто отрезвляющий град барабанят по моим плечам. Очнулась!

Ну, вот мы и заговорили!

Пусть, в ближайшие минут десять меня не ждет ничего любезного, по их истечении мы расставим точки над нужны-

ми мне буквами.

Приятно понимать, что я знаю её настолько хорошо. А вот возвращаться из забвения на землю – уже не совсем.

Русалочка версии Ярослава Ветрова – это когда ты делаешь один шаг назад – один, всего один – и уже когда твоя нога опускается на землю – ощущаешь ту самую тысячу ножей, впивающуюся в твою кожу.

Нет, дело не в том, что ступил я на землю, ступил я от Викки – и вот это и хуже всего на свете.

Не-на-ви-жу!

Каждый шаг, что приходится сделать от Викки, каждый вдох кислорода в грудь, что не пропитан запахом её волос…

Но мне приходится. Я должен сделать этот шаг, разжать свои руки – позволить Викки скользкой рыбкой ускользнуть между моих пальцев.

Она отшатывается на несколько шагов в сторону – пытается сделать так, чтобы расстояние между нами было «приличным».

Зря пытается. Оно не будет приличным, даже когда между нами будет несколько десятков километров. По крайней мере, мои мысли о ней станут только непристойней и настойчивей.

– Ты… Ты… – Викки тяжело дышит, встряхивает руками, будто пытаясь ими меня от себя оттолкнуть.

Нужный эпитет у неё не особенно подбирается.

– Наглец? Извращенец? Озабоченный? – ухмыляюсь я,

подсказывая.

Озабоченный ею. Да, это мой диагноз.

– Гребаный псих! – отчаянно рявкает Викки, отступая от меня еще на шаг. – Ты… Как ты вообще посмел?!

– А разве ты оставила мне выбор? – я поднимаю брови, замечая, как наливаются алым яростные пятна на шее у Викки. – И потом, неужели тебе не понравилась моя маленькая провокация, дорогая? Такой стон… Я с большим трудом не зашел дальше.

Этих красных пятен становится на светлой коже Викки все больше.

Рванет…

Еще чуть-чуть и рванет.

– Понравилось? – Викки цедит это свистящим шепотом. – Да, дорогой, мне безумно понравилось. Позволь, я подробнее поделюсь с тобой впечатлениями?

Каюсь, я увлекся. Зрелище разгневанной Викки – это как извержение вулкана, удивительно завораживающе, совершенно смертоносно и абсолютно в своей удивительной красоте. Невозможно оторвать глаза и заметить хоть что-то.

По-крайней мере, когда она успела снять туфлю – я не заметил. До той самой поры, пока острый каблук, пущенный с размаха, не врезался мне чуть пониже ключиц.

Резко…

От второй туфли, метко пущенной мне в голову, пришлось уже уворачиваться. Иначе быть мне на суде во втор-

ник с прекрасным фингалом от подошвы.

Ну, или с выбитым глазом.

Интересно, Машутка бы оценила папу-пирата?

Какая же все-таки жалость, что пока она со мной не разговаривает.

А тех трех слов, что она мне сказала «на прощанье» в тот единственный раз, когда взяла трубку, – лично мне хватит на то, чтобы как-нибудь качественно и насмерть отравиться.

Две туфли, одна из которых пролетела мимо цели, – это не все.

Викки никогда не удовлетворялась малой кровью. И в этот раз отступать приходится уже мне. За мой рабочий стол – увы, неверный маневр. На нем полно всякой рабочей мелочевки, от степлера и до имиджевых фиговин.

Мечтал ли я когда-нибудь получить сотрясение мозга от прилетевших мне в голову шаров Ньютона? Да нет, знаете, в моем жизненном списке были другие, более важные пункты.

– Викки, ну ты же юрист, зачем же нам решать проблемы таким путем? – миролюбиво предлагаю я. – В конце концов, ты же знаешь, как пишутся служебные записки, пожалуйся на меня Козырю, он сделает мне атата.

– Это тому Козырю, что тебе помог меня сюда затащить? – щерится Викки как голодная волчица.

Красивая, зараза…

И догадливая.

Хотя мне стоило больших усилий сделать Эда своим со-

участником. И это был «первый и последний раз».

Позволив этой мысли удержаться в моей голове, я “зеваю” и чуть не получаю нокаут от пресс-папье в лоб. Уворачиваюсь только чудом – все-таки, я почему-то нравлюсь своему ангелу-хранителю.

– Это, между прочим, был антиквариат, – задумчиво замечаю, провожая просвистевшую в паре миллиметров от моего виска и улетевшую далеко в угол бронзовую псину взглядом. Мне она не была особо дорога, но совет директоров как-то презентовал, в память о каком-то очень сложном процессе, намекая на то, что верность в цене.

– Ничего, купишь себе другую безвкусную дрянь, – зло огрызается Викки и бросает взгляд на стол, пытаясь прикинуть, до чего же может сейчас дотянуться, – а может – две безвкусных дряни: одну на стол, вторую в постель. И оставишь, наконец, меня в покое…

Ох, дорогая, какая ты все-таки наивная…

Такие вещи загадывать бессмысленно, у меня просто не хватит на это сил.

Но отвлеклась она вовремя, все-таки я успеваю рвануться к ней, сгрести в охапку, увернуться от удара в пах – Викки таки успевает сгруппироваться, – а после закинуть её на плечо, преодолеть несколько шагов до дивана и уронить её на него. Вдохнуть любимый запах на один только вздох, запасаясь впрок.

И снова отступить, наслаждаясь оторопью на лице у сби-

той с толку Викки. Да, милая, сейчас будет только это. Хотя ты, конечно, ожидала, что меня снова понесет, так ведь?

Увы, нет, нельзя. Пока – так.

– Ну, что ж, работы уборщицам ты сегодня обеспечила изрядное количество, – задумчиво замечаю я, отходя к столу и любуясь на устроенный бедлам, – что ж, пусть поработают для разнообразия. Может, все-таки поговорим?

– Мы поговорим в суде, Ветров, – Викки произносит это негромко и устало – будто уже сожалея, что дала волю эмоциям. Она всегда быстро брала себя в руки. Сейчас – делает это почти мгновенно. Вот только видеть её такой – будто выжженной дотла одной штормовой вспышкой – мне на самом деле больно. И это цена моего разговора. Интересно, я хоть когда-нибудь с ней расплачусь?

Вот только «поговорим в суде» – это не тот ответ, который я сейчас хотел бы услышать. Да и хорош бы я был, если бы отступался после одного отказа.

– Вик, давай просто сейчас оба подумаем о нашей с тобой дочери. Сделаем как лучше будет для неё.

Выражение лица у Вики получается сложное. Наверное, поэтому я до последнего цепляюсь за иллюзию, что надежда у меня все-таки есть. А потом Викки медленно начинает говорить – с таким выдержанным ядовитым хладнокровием в каждом слове, что для своих надежд я мысленно заказываю катафалк.

– Я и думаю о своей дочери сейчас, Ветров, – неторопли-

во и с глубокой горечью произносит Викки, все сильнее напоминая один только комок напряжения и ничего больше, – как думала семь лет назад, когда решила, что справлюсь без тебя. И патетичными речами ты меня сейчас не обманешь. Для тебя моя дочь – игрушка. Куколка, которую ты хочешь у меня отнять, просто потому, что ты можешь. И зачем? Чтобы поселить в красивый кукольный домик и наряжать принцессой. Все. Сам ты о Маруське не знаешь ничего. Что она беспокойно спит по ночам одна – не знаешь. Что у неё аллергия на шоколад – тоже. И она, кстати, на дух не переносит принцесс, но обожает мультики про монстров. И нам нечего здесь обсуждать, Ветров. Я не позволю тебе сделать из моей дочери статусную игрушку. Ты ведь уже, поди, и статусную мамочку для нее спланировал? Гувернантку из Парижа тоже заказал?

– Вик, – я говорю так же медленно, сознательно игнорируя большую часть высказанных мне претензий, – у тебя ведь не получится избегать этого вечно. Суд подтвердит мои права, и ты потеряешь право вот так мне препятствовать. Я смогу с ней встречаться. И буду это делать.

– Это будет не сейчас, – Викки покачивает головой, – и мы с ней обе будем к этому готовы. А сейчас Маруська сама не хочет с тобой говорить. Да и встречаться пока тоже не хочет. Мы обе не хотим сейчас давать лишнюю возможность навешать нам лапшу на уши. Обе, Ветров, понимаешь?

Да, это-то я понял по одному только «Я тебя ненавижу»,

сказанному мне в тот единственный раз, когда Машунька взяла трубку при моем звонке.

Один вопрос – и один приговор, после моего чистосердечного признания.

Ни один телефонный разговор в моей жизни не отравлял меня сильнее, чем этот.

Самое беспощадное наказание со стороны Викки было именно это: сказать нашей с ней дочери правду обо мне.

И ведь ей не понравилась эта правда…

Хорошо хоть, что рассказано было не все.

Пока что у меня есть еще надежда, что Машунька отойдет. Я смогу ей объяснить. Ей – еще имею шансы.

С Викки все будет сложнее, конечно…

Пока что её стратегия мне ясна, она пытается выиграть время и лишить меня возможности перетянуть дочь на свою сторону. Наверняка она даже попытается провернуть обещанный мне трюк с парой апелляций, чтобы этого времени у неё оказалось побольше.

Что ж, я надеюсь, мои контрмеры все-таки помогут избежать всей этой не нужной никому волокиты. И Викки наконец услышит то, что я пытался донести до неё еще три недели назад. Увы, она слишком меня сейчас боится, чтобы слышать и верить именно мне.

– Вик, ну что от тебя убудет от одной встречи? – устало пытаюсь я совершить свой последний заход, вырубив внутреннего юриста – он с Викки меня только подставляет – и

пытаясь выехать хотя бы за счет искренности. – Никакой пыли в глаза, никаких пони и единорогов, я могу сводить Маруську в кино, там как раз сейчас мультик про каких-то йети крутят. И ты будешь рядом, проследишь, чтобы я ничего крамольного ей не сказал. Два часа в субботу! Я сам приеду к вам, и тебе не придется её никуда везти. И она может вообще со мной не разговаривать, просто дай её увидеть и все.

Судя по взгляду Викки, я её достал.

Судя по тому, что она прячет за этой досадой, мне все-таки удалось в ней что-то шевельнуть. И все-таки, она качает головой.

– Даже если бы я тебе поверила… Даже если бы прониклась твоими сказками, у нас все равно уже есть планы на эти выходные, и ты в них вообще никак не поместишься. Тебе придется подождать суда, Ветров, хоть ты и не из тех, кто любит ждать.

– Планы? Что за планы? У вас с Машей?

Я поднимаю брови, впиваясь взглядом в лицо Викки.

– У нас с Машей, – невозмутимо кивает она, – а вот какие – дело уже не твое. А теперь извини, но мне пора бы уже пойти обедать. Иначе я позвоню Эдуарду Александровичу прямо сейчас.

До неё таки дошло, что она это может. Что ж, пару очков трепета Эд в её глазах точно потерял – неудобно вышло. И у меня ни черта, вопреки всему этому, не вышло.

Ладно.

Этот разговор состоялся – это уже результат. Как бы мне ни мечталось, ситуация действительно сейчас не может сдвинуться с места, по крайней мере, в тех условиях, что у меня имеются. Я должен сначала склонить Викки в положительную сторону хоть как-то.

И продолжая её сейчас удерживать, я лучше для себя не сделаю.

Когда я подхожу к двери и без лишних споров открываю замок, Викки смотрит на меня недоверчиво – я вновь удивляю её отсутствием давления. А потом поднимается с дивана, на котором так и сидела.

– Туфли не забудь, дорогая, – насмешливо замечаю я, когда она шагает в сторону двери, – хотя босиком ты, конечно, очень хороша. Хотя беременной наверняка будешь еще лучше.

– Прекращай это, – раздраженно огрызается Викки, раздосадованная тем, что забыла об обуви, которой швырнула в меня во время своего эмоционального взрыва, – я уже знаю, что ты хочешь забрать у меня Маруську, хватит дурить мне голову. Я не поведусь.

Ох, как ты не права, дорогая. Мне нужны вы обе. Только тебе пока об этом знать рановато.

– Ты хотела пообедать, кажется, – ухмыляюсь я и на всякий случай отхожу от двери – вижу, с какой опаской Викки на меня поглядывает. Все еще опасается, что я на неё наброшусь, когда она пройдет мимо. Так что успокоим её хотя бы

в этом.

В разгромленном кабинете я остаюсь один и с отсутствием результата в моих переговорах. Что ж…

Это не значит, что я собираюсь сдаваться.

Итак, значит, у нас планы на эти выходные. Осталось только узнать – какие именно?

4. Тревожные подробности

В офис к Владу я приезжаю снова после окончания рабочего дня. Причем не через пять минут после официального времени закрытия его офиса, а через два часа, когда даже самые поздние его сотрудники наконец разлетаются по своим домам.

Я бы и не против приехать пораньше, но брат, вернувшийся из долгой, выписанной им самим командировки, потребовал не мешать ему выспаться, а еще постараться избежать любой возможности огласки наших с ним новостей.

Заинтриговал, однако. Хотя, если честно, у меня уже от нетерпения на кончиках пальцев зудит – хочется скорее найти ту тварь, что устроила мне развод. Ох, как бы я был не против, если это окажется Завьялов. Теперь уже ничье заступничество его не спасет.

Старший братец даже после того как, по его словам, отоспался, выглядит так, будто те две недели, что его не было в Москве, он спал одну ночь из трех, а на ногах держится только благодаря каким-то дьявольским энергетикам.

– Ты можешь рано сдохнуть при таком режиме работы, – практично замечаю я, проходя в его кабинет и уже привычно устраиваясь в кресле напротив.

– Я летал в Люцерн, – сухо отрезает Влад с невеселой ухмылкой, – отцу стало хуже.

– Когда?

В отличие от меня, у Влада с его отцом отношения были налажены весьма теплые, Влад даже вытребовал у матери в четырнадцать, чтобы она разрешила ему жить именно с отцом, – контакта с моим батюшкой у Влада так и не случилось. Поэтому его состояние мне понятно. Он уже третий год живет вот так: на одном сплошном нервяке, из-за отца, лежащего в коме в дорогущей швейцарской клинике.

– В среду, – Влад дергает подбородком, будто стряхивая с себя неприятные мысли, – ладно, забей. Состояние стабильно отвратное, со второй степени комы он ушел в третью, ни черта хорошего мне врачи не обещают, зато опять предложили эвтаназию.

– Далеко послал? – прекрасно зная характер старшего братца, уточняю я.

– Да уж не близко, – ухмылка у Влада выходит горькой, – давай к делам, Яр, ей-богу, я не хочу сейчас об этом.

Ну, к делам, так к делам. Можно подумать, я настаивал.

– У тебя все-таки есть информация? – я задумчиво гляжу на Влада.

– А ты думаешь, я зачем просил тебя приехать? – брат саркастично изгибает бровь, глядя на меня насмешливо.

После его волшебных новостей про ухудшение самочувствия отца я уже даже сочинил версию, что Влад меня позвал, чтобы не спиться в одиночестве, благо конец недели позволял подобные маневры. Ну… И кое-что другое он мне

обещал пробить, так что повод пересечься все равно имелся.

– Давай уже, рассказывай, что раскопал, – недовольно морщусь я, потому что все эти прелюдии только растравляют мне аппетит, – это все-таки Завьялов? И с какими мотивами?

– Не спеши, – в общем и целом тотальный недосып Влада все-таки ощущается, по крайней мере, на любые попытки броситься с места в карьер он раздраженно кривится. А после и вовсе поднимается из-за стола и закрывает жалюзи так, чтобы вообще ни единой щелочки не осталось.

– Нагнетаешь? – насмешливо уточняю я, хотя если честно, работает, да. И мне очень даже хочется придушить этого волынщика, что всегда подходит к выдаче найденной им информации как к акту долгого соития с мозгами клиента.

– Нет, просто бесит, – кратко огрызается Влад, отходя к кофемашине.

Вообще, когда он возвращается к столу, я замечаю, что находится мой брат в глубокой прострации, будто прикидывая, что из того, что найдено им, стоит мне рассказывать, а что – все-таки нет.

– Ну, и?

Влад все с той же неторопливостью – хотя я критично именую её заторможенностью, но только про себя, из братской солидарности – вытаскивает из ящика стола белую пластиковую папочку.

Конечно, в наш цифровой век можно было и по электрон-

ке скинуть, но иной раз бывает просто не до неё.

– И что тут у нас? – я нетерпеливо придвигаюсь ближе к краю стола.

А тут у нас пять тонких подшивок с анкетными страницами в самом начале. Фотографии также имеются.

– Узнаешь? – Влад переплетает пальцы и, опустив на них подбородок, смотрит на меня в упор и не мигая.

Я приглядываюсь к разложенным передо мной фотографиям.

– Мои ищейки, – уверенно опознаю, отодвигая в сторону две крайние слева фотографии.

– Да, да, те самые, что так упорно «изобличали» твою жену в неверности, – кивает Влад, – а те трое?

Я вглядываюсь пристальнее.

Лица на фотографиях тоже кажутся смутно знакомыми, но вот так вот сходу взять и вспомнить, кто это конкретно…

– Я подскажу, – вклинивается Влад, видимо, понявший мое затруднение, – это те эксперты, чьи фамилии стоят в твоих квитанциях за фото- и видеоэкспертизы.

Ага. Точно. Особо не запоминал, потому что увидел, забрал результаты и ушел, но все-таки память у меня хорошая. Совсем не забыл.

– Угадаешь с трех раз, что объединяет всех этих пятерых прекрасных молодых людей, Яр? – физиономия у Влада настолько мрачная, что мне почему-то он напоминает циничного могильщика.

– Кружок вышивки крестиком? – я недовольно встряхиваю головой. – Слушай, давай без загадок, серьезно, я не в той форме, чтобы этим развлекаться.

– Ну, не так уж ты не прав насчет крестиков, – Влад чуть дергает уголком рта, – и общий кружок у них у всех определенно имеется. Клуб любителей вечного сна, если уточнять.

– То есть? – а вот эта новость застала меня врасплох.

– Ты все понял, Яр, – хмуро отрезает Влад, – в живых их нет. Никого из них. Как тебе такой номер?

Первые три минуты после озвучивания этого факта я молчу. Даже воздух, который я вдыхаю, кажется каким-то колким ледяным киселем, и дышать им сложно.

Нет, много было в моей практике спорных дел с точки зрения этики, тот же Эд – далеко не святой, пусть даже и не пытается им показаться, и разумеется, сомнительные вопросы мне приходилось разрешать как юристу высокого класса.

Но…

Меня пробирает холодом до самых костей. Это ведь были перспективные свидетели. По крайней мере, они раньше получили деньги за подлог. И этот подлог уже наверняка перестал казаться им жутким преступлением, кто-нибудь из них наверняка бы раскололся и сдал бы нам своего нанимателя – вопрос заключался только в цене.

– Их… – даже у меня перехватывает дыхание, чтобы повторить это вслух. Хотя, казалось бы, моей циничности хватит и не на такое. Но настолько вблизи к крупному крими-

налу я оказался впервые…

– Устранили, – ровно и бесстрастно откликается Влад, снова выбирая самую нейтральную из возможных формулировок, да и в пустоте его тона слышится, что и ему не по себе, – делали это аккуратно. В разное время. Так, чтобы не было подозрений. У кого-то пожар, у кого-то авария, у кого-то отравление паленым спиртом… Это я сложил их всех в кучу и понял, что уж слишком много черных стикеров нужно прилеплять к анкетам. Но временные разрывы были в несколько месяцев, при этом – ни одной естественной смерти, хоть даже по причине какой-нибудь болезни. Яр, ты понимаешь, что это значит?

Если честно, то довольно смутно. Нет, факты лежат передо мной сухими и готовыми к употреблению, их невозможно игнорировать. И да, ситуация не то что подозрительная – счел бы все это бессмысленным совпадением только полнейший кретин.

Господи, причем тут мой развод, вообще? Каким он тут боком? Ведь получается, что Завьялов так и не подкатил к Вике… Откуда в этой истории вдруг выплыло так много криминала?

Хотя уже по самому факту пластики и изготовления поддельной «Вики» в принципе можно было что-то такое предположить. Но…

– Какого черта это все значит? – медленно произношу я, разглядывая фотографии «участников клуба».

Нет, ну не идти же напрямую к Завьялову и не спрашивать его, почему восемь лет назад он постарался развести меня с женой. Зачем – мне все так же непонятно.

Я предполагал, что он запал на Викки, сильно запал и решил убрать меня с дороги, подкупив и детективов, и экспертов, а после – что? Хотел дать времени ей, выброшенной мной на обочине, прочувствовать её положение загнанной в угол и после явиться этаким мистером Греем с самолетом и богатой фантазией? Передумал, узнав про её беременность?

Да, это складывалось в картинку, мне не хватало только хоть каких-то доказательств, чтобы подтвердить мои гипотезы.

Но на кой черт в таком случае устранять компроматчиков, экспертов? Ну, максимум припугнуть одного-двух идиотов, если они вдруг вздумают шантажировать, но обычно этого и достаточно.

Викки не стала бы переть против Завьялова, боже, да она же даже о компромате не знает, я не стал разбираться с ней тогда. А я – я ничего не искал. Я был уверен, в моих руках правда, – кретин, и никакая молодость не оправдывает этого идиотизма.

– Знаешь, я бы предположил, что это все можно было провернуть только ради больших денег, но… – Влад запинается и заканчиваю уже я.

– Я не очень понимаю, причем тут деньги и мы с Вик, – покачиваю головой я.

Викки – не богатая наследница, у нее за душой, как бы грубо это ни прозвучало, ни гроша не было ни тогда, ни сейчас. Да и я был тогда совсем зеленым и неопытным. Какой-то капитал у меня, конечно, имелся – огрызки дедовского наследства, пусть основная часть и досталась матери, но что-то обломилось и внукам "по традиции". Но мой капитал, базис, обеспечивший бы мне, если что, тылы, все равно остался при мне. Я бы, может, понял, почему сейчас может произойти что-то такое, сейчас мое положение гораздо выше, и то… Смысл всей этой аферы все еще ускользает. Ну, развелся бы я сейчас. Максимум, моей жене досталась бы половина совместно нажитого за период брака имущества. Тут бы мы посудились, конечно… Но что уходило на сторону?

Самое главное правило в любом расследовании – найди мотив. Мотив настолько размашистого преступления должен быть весомым. И кому мы с Викки могли так насолить, что не пожалели ни деньги потратить, ни руки по локоть в крови замарать?

– Ты, кажется, говорил, что она работала тогда над каким-то делом с Завьяловым. Как адвокат, – Влад говорит медленно, явно пытаясь нащупать хоть какую-то почву для построения версии. – Что-то криминальное?

– Нет, – я покачиваю головой, – дело касалось финансов, подробностей я не помню. Но возилась она с ним много, начала часто задерживаться, я потому и начал… Психовать.

– Она могла что-то откопать, – задумчиво тянет Влад, –

что-то важное и опасное уже для Завьялова.

– Не проще было убрать уже её? – меня и самого передергивает от этой мысли, но если серьезно, это стоило бы гораздо меньше, чем вся эта афера.

– Она была Ветровой, – Влад пожимает плечами, – могли побояться переть против нашей семьи. Все-таки мы почти клан, и возможности у нас почти как у мафии. Случись что-то с твоей женой на том этапе, что бы ты сделал?

Я прикрываю глаза, подавляя в себе клокочущую тьму.

– Да уж точно молча оплакивать бы не стал… – тихо произношу я, пытаясь абстрагироваться от вновь обострившейся ненависти к самому себе.

Ведь случилось же.

С ней случилось.

Я с ней случился.

Худшей напасти было сложно пожелать даже врагу.

А что было после развода?

Я ведь сознательно избегал любой информации о ней. Только новость о её смерти все равно бы до меня докатилась наверняка. Кто-то бы из однокурсников, но вякнул бы. А если бы всплыла еще и её беременность…

Есть в этом что-то рациональное, логичное, но версия все равно не клеится. Или я сам хочу слишком многого от версии мерзкой махинации?

Девчонку ведь вышибли из профессии, она не стала лезть на рожон, так чего обращать на неё внимания?

Но ведь обратили же внимание на исполнителей… И занимались их устранением не один месяц.

– Ты нашел хирурга? – спрашиваю я, отстраняясь от гудящих в голове вопросов. Нужно обдумать все это на холодную голову, сейчас она еще недостаточно холодна.

– Извини, к отцу сорвался как раз на этом этапе, – Влад виновато разводит руками, – ни хирурга, ни актрисы, которую подделали под твою жену, я не нашел, да и это вряд ли будет быстро. Сам понимаешь, специалистов такого класса в Москве немного, но и не один. Но я найду, даже не сомневайся. Если, конечно, мы по-прежнему заинтересованы в этом вопросе.

На краткий миг я даже уставляюсь на старшего брата в недоумении.

– Ну, вдруг ты не хочешь связываться с проблемами такого уровня, – Влад пожимает плечами, хотя и видно, что эту мысль он озвучивает больше в попытке её до меня донести, чем ожидая услышать её от меня.

– Я? – уточняю я на всякий случай – вдруг что-то расслышал не так. – Ты в своем уме, вообще? Может, ты не рыл носом землю полтора года, пытаясь откопать, как именно твой батюшка и наша матушка влетели в ту аварию?

– Ну, это я не отрыл, – у Влада сводит лицо. Он не любит напоминания об этом – истории, официальная версия которой утверждала, что всему причиной стал нежданный приступ эпилепсии, скрутивший Карима прямо за рулем маши-

ны. У него, говорили врачи, были симптомы, которые он игнорировал.

Похоже на Карима, на самом деле, вот только Влад в официальную версию до сих пор не верил, но да, он ничего не откопал тогда. Несколько мелких косвенных улик, пару голословных, высказанных сгоряча обвинений в адрес моего отца, доказательств которым не нашлось, ну и все…

Вопреки ожиданиям многих, нас эта потеря только сплотила. Меня не особенно тронули обвинения в адрес отца, наши отношения и сейчас находились в стадии «разве что кивнем друг другу при встрече», а мать мы с Владом похоронили оба. Общие потери такого рода на самом деле объединяют, заставляют забыть и отстраниться от мелких старых конфликтов.

Влада же, который бился за честное имя отца до последнего, я мог понять. Вот только тогда на него свалилось слишком многое, и, как он сам признавал тогда, возьмись он за расследование по горячим следам – нашел бы больше. Ему же пришлось и в срочном порядке спасать отцовский бизнес, и заниматься вопросом его лечения, – а тогда у Карима еще была надежда выйти из комы без больших последствий, – и все это ему очень сильно помешало.

– Слушай, я понимаю, что тут времени даже больше прошло, чем у тебя тогда, – медленно проговариваю я, – только ты же понимаешь, пока есть хоть какой-то шанс найти ублюдка, что меня развел, – я буду искать.

– Я буду искать, – фыркает Влад хмуро, хотя он явно не удивлен моим ответом, – а ты будешь бегать вокруг бывшей жены и всячески развлекаться.

– Ты сам вызвался, – напоминаю я практично, – передумал?

– Чтоб я передумал разорить младшего братца в пыль? – Влад коротко похохатывает и отмахивается от меня, будто я ему лютую чушь сморозил. – Нет. Это мое дело. Его я доведу до логического конца. По крайней мере, пока не расшибу голову об стену отсутствия фактов.

– Ну, давай все-таки без этого, – я покачиваю головой, – кстати, о моей жене… Ты пробил ту информацию, что я у тебя утром запросил?

– Звонки её ухажера? – Влад потягивается, а потом снова ныряет в ящик стола, чтобы достать мне два листа, сплошь испещренных мелкими черными буквами и цифрами. – Да, пробил. Много всего лишнего, но из любопытного – пожалуй, только ранчо «Артемис» недалеко от Москвы. Там на него забронировали коттедж на выходные.

Ранчо? В лексиконе моего брата это расшифровывается как конный клуб. Ольшанский, оказывается, тот еще стратег и решил качественно подмазаться к моей дочери? Все-таки продуманный у меня противник, но я на его счет и не обманывался.

– Итак, мы договорились, ты ищешь врача и любую другую информацию, какую только сможешь найти? – я подни-

маюсь из кресла, решив все-таки дать брату отоспаться.

– А ты поговоришь с бывшей? – неожиданно спрашивает Влад. – В конце концов, она – живой свидетель. Если она все-таки что-то знает о Завьялове и молчит – у нас будет мотив, это уже немало.

Поговорить с Вик – это та еще задачка, на самом деле. По крайней мере, сейчас.

– После суда имеет смысл, – я покачиваю головой, – раньше вряд ли получится.

– Но ты попробуешь? – Влад смотрит на меня с выражением лица «ты же знаешь, что чем раньше мы получим информацию, тем лучше».

– Попробую, – я киваю, – но с большей вероятностью она меня пошлет.

На этой «позитивной ноте» я все-таки отчаливаю. Отчасти чтобы дать брату отдохнуть, наконец. Но по большей мере мне, как ребенку, уже не терпится, чтобы завтра поскорее наступило.

Этот вечер выходит неожиданно тяжелым и на выясненные факты, и на количество разочарований. Я надеялся, что наконец получу свои доказательства и твердый повод укатать Завьялова в асфальт. Увы. Информация, попавшая мне в руки, оказывается неожиданно тревожной и кровавой.

Впрочем, завтра я увижу Машутку. Обязательно увижу и постараюсь с ней поговорить. Даже ожидание этого скрадывает любое разочарование. И тревоги как-то отступают на

второй план.

Интересно, насколько громко будет ругаться Викки, когда обнаружит меня по соседству?

5. Сон вне закона и его послевкусие

Во сне мне жарко. Очень жарко. Настолько, что мне даже странно, как это на моей коже не выступает хрустящей корочки. И, увы мне, причиной этой жары является не явившееся мне в лазурной яви жаркое солнце мальдивского острова. А руки… Жадные, сильные, меткие руки, так точно попадавшие в самые чуткие мои места. Будто сделавшие из моего тела фортепиано, и этими настойчивыми, нежными ласками писавшие дивную и такую жаркую сюиту.

Я точно сплю. Я ощущаю это каким-то задним умом, прагматичным, который даже особенно не осознает, кому принадлежат эти руки. Неважно. Это все неважно. Будильник, заткнись, сделай милость…

Не хочу, не хочу, чтобы это заканчивалось или обрывалось. Хочу лишь стонать: «Дальше, дальше, давай дальше», – только во сне я не особенно разговорчива, язык кажется таким ватным, тяжелым… Ну и плевать на него!

Я не владею техникой осознанных сновидений. Спасибо, что в этом сне я хоть не лежу бревнышком, а гнусь лозой в руках своего композитора. И ничего, что в моих заплывах я беру долгие перерывы, я очень даже в форме, могу дать мастер-класс хоть сейчас. Наверное, именно для этой цели я с тихим стоном изнеможения выгибаюсь, стремясь поплотнее прижаться к влажной коже моего партнера.

Какой же это по счету акт в нашей дивной пьесе? Второй? Третий? И когда у нас планируется переход к кульминации?

Все это время я прожаривалась, не раскрывая глаз. Почему-то мне так хотелось. Это логика сна, с неё спрос маленький.

И вот именно в эту минуту я решаюсь все-таки полюбоваться на него, на моего композитора. Да и не только полюбоваться, поторопить – в конце концов, сколько можно меня мучить? Я тут уже в стадии прожарки «well done»: еще чуть-чуть – и начну обугливаться. Тем более, что это так вкусно – потянуться к нему, наслаждаясь тяжестью мужского тела, со вкусом куснуть за мочку ближайшего уха, скользнуть щекой по едва шершавой скуле, подставить губы для законного поцелуя – мне срочно нужен хоть один, иначе я засохну на корню. А потом наконец распахнуть глаза, чтобы встретить наконец его прямой взгляд, утонуть в бездонном, беспощадном… ультрамарине!

Этот цвет – как холодный душ, как мое стоп-слово, то самое, после которого мозг будто встряхивает мое тело ударом электрошока, заставляя в срочном порядке эвакуироваться из этого сна. И проснуться!

Я застаю себя в сумрачной, предрассветной комнате, сидящей на кровати и стискивающей одеяло с такой силой, что на колене под ним совершенно точно останутся синие отпечатки моих пальцев.

И я даже не знаю, от чего именно сильнее встают дыбом

волосы на моем затылке – от бешенства или от ужаса.

Мне приснился не кто-нибудь – не Ник, не Брэд Питт, и не какой-нибудь случайный рандомный непонятный мужик, к которому у дедушки Фрейда не возникло бы никаких вопросов.

Господи, Ветров… А уж в мои-то сны ты как влезть умудрился?

Рядом, повернувшись спинкой ко мне и как всегда во время сна сбросив одеяло, успокаивающе сопит Маруська.

Обычно этого умиротворяющего сопения мне хватает, чтобы унять бешеное сердцебиение от наснившейся с нервяка хтони и снова уснуть. На крайний случай есть радикальный метод: лечь поближе к плюшке, ткнуться носом в её темные растрепанные косички, которые она всегда просит заплести ей на ночь, закрыть глаза и начать считать её тихие выдохи. Это всегда успокаивает.

Не сейчас.

Справедливости ради, мне и Ветров давно не снился. Очень давно. Или я так хорошо постаралась эти "встречи" забыть…

Я лежу и таращусь в темноту, и мой счет постоянно сбивает скачущее в груди сердце.

Бесит.

Бесит, бесит, бесит.

Все бесит.

Какая жалость, что явление в эротических снах не канает

за домогательство. Ух, я бы накатала на этого мудака заявление…

Ну, нет, не накатала бы, конечно, – в таких вещах признаваться ему? Да ни за что на свете! Пускай сначала он облезет и неровно обрастет. Чешуей. Золотой, в серебряную полосочку!

От бешенства по-прежнему трясет изнутри.

Нет, я понимаю, что это все какие-то нюансы моего мышления, побочка позавчерашнего «разговора» с этим, понимаю, что это все заряд адреналина, снова ударивший меня в самое неожиданное место, да еще и губами Ветрова. А еще я прекрасно знаю, что позвонить и наорать на него – это самое идиотское, что я сейчас могу сделать, но как же хочется сделать именно так. Сон еще не отпустил до конца, и в сонной логике кажется, что это проканает, и больше я этого мудака в своих снах не встречу совсем, ни в каких, а уж в эротических – тем более, но…

Мозги все еще работают. И даже пытаются проснуться.

Нет, думать мне сейчас не нужно. И анализировать свое состояние тоже. И делать неутешительный вывод о том, что все это бешенство – оно от досады, на самом деле, ведь там, во сне, мы так ничего и не сделали. Только начали…

Мне и не нужно! С ним – вот уж точно! Ни начинать, ни продолжать…

И не надо мне тут про подсознательное говорить, дорогое подсознание, ты у меня накуренное, вообще не пойми каким

местом включаешься.

Нет, нереально уснуть в такой ситуации. По крайней мере, без дополнительных мер воздействия.

Я выбираюсь из-под одеяла. Сонному организму хочется то ли холодный душ – чтобы смыл сохранившийся после чертова сна жар, покалывающий из-под кожи, – то ли горячую ванну, чтобы расслабиться, закрыть глаза, задремать в теплой пене и… продолжить?

Бр-р-р…

Я встряхиваюсь, снова сбрасывая с себя это идиотское наваждение.

Нет, водные процедуры в хрущевке в четыре утра – это довольно спорное решение, если ты, конечно, не враг своим домочадцам. И будить Маруську настолько рано – это супержестокое обращение с ребенком.

А вот прокрасться на кухню, выудить из холодильника коробку молока и подогреть его себе – как маленькой, чтобы развести с парой ложек меда, – это можно. Запить этим всем таблеточку успокоительного.

Это расслабляет и настраивает на мирный, спокойный, да и что там – далекий от эротического настроя лад.

Уже вернувшись в кровать, закрыв глаза, я мысленно отвешиваю себе щелбан. Все-таки, долгие перерывы – не есть хорошо. Вот ушла с головой в работу – и тебе снится всякая муть с мутными же персонажами.

Нет, нет, нет. Нужно срочно возвращаться в игру.

Как хорошо, что этого даже долго ждать не надо. Все будет сегодня вечером! Дайте мне только Ника и обещанный им домик.

Уж после этого-то Ветров точно перестанет мне сниться!

Заснуть не получается. Совсем.

Поэтому назло себе, назло Фрейду и Ветрову, который так-то даже не в курсе, чем накосячил, я лежу и планирую вечер. Как все будет? Когда? Когда уснет Маруська? Да, а когда же еще? И какой комплект белья из двух священных «для особого случая» мне-таки выбрать?

Господи, вот нашла из-за чего себя накручивать. Из-за сна.

Да я в нем наверняка Ветрову польстила самым немилосердным образом. Сколько лет прошло? Восемь? За восемь лет он уже наверняка проел свою молодую силу и поджарость. И герой-любовник из него наверняка тот еще, уже поди самолюбие натирает во всех возможных местах и дама должна получать оргазм чисто по факту, что её допустили в постель благородного господина.

И мало ли чего мне там наснилось, сон – это сон, никакой особой связи с реальностью у него не имеется. И логики тоже!

Когда Маруська наконец просыпается строго по поставленному будильнику, я выдыхаю. Ура. Можно без особой боязни вставать с постели, чистить зубы, принимать душ похолоднее и не думать. Отключиться от этой мысленной како-

фонии.

Ника я жду, практически изнемогая. Даже не особенно думая, что после подъема на два часа раньше срока у меня наверняка мешки под глазами такие, что туда можно все рафармовские денежные запасы утрамбовать. А при должном рвении еще и место останется.

А ну как Ник возьмет и сбежит при виде такой раскрасавицы, которая даже накраситься не удосужилась?

Он не сбегает. Тепло мне улыбается и даже бесстыже врет, что я прекрасно выгляжу. Хорошее вранье, качественное!

И пока я выискиваю свидетельства того, что Ник все-так немножко меня обманывает, этот чудовищный человек отнимает у меня дорожную сумку, чтобы запихнуть её в багажник своей машины, здоровается с моей хмурой плюшкой за лапу, интересуется, почему такое красивое солнышко и вдруг не радует мир своей волшебной улыбкой…

– Потому что в шесть утра солнышко вставать не любит, – практично замечаю я, в уме перебирая содержимое дорожной сумки, чтобы быть твердо уверенной: на два дня нам вещей хватит. Вроде, все взяла. И даже оба «особых» комплекта запихнула на самое дно сумки, вместе с чулками.

Должна же я чем-то создать себе настроение, да?

– Лучше встать в шесть утра, чем приехать в клуб, когда все пони уже спят, – фыркает Ник, и это на самом деле аргумент, чтобы Маруська чуть-чуть улыбнулась. Самую малость. Совсем недостаточно, чтобы я обрадовалась нашему

успеху.

Дело, конечно, не только в шести утра, на самом деле. Хандра все еще не отпустила Маруську.

И я точно знаю: следующей недели она очень ждет. Недели после суда. Когда можно будет встретиться с папой и пообижаться на него уже при нем.

И вот как в таких условиях мне подавать апелляции, если что?

Ведь моя-то дочь мне всяко дороже собственного самолюбия. Какая жалость, что мои проблемы не только в нем…

Я практически силой заставляю себя отвлечься от паскудных мыслей.

Суд во вторник.

И мой адвокат – между прочим, отличный адвокат по семейным процессам, мне его контакты достались не от кого-нибудь, а от Клингер. По её словам, Вознесенский ей треть друзей разводил – в хорошем смысле слова. И все, на кого он работал, были в восторге. Я боюсь загадывать, мне он кажется довольно молодым, но я уже успела заметить, что он и правда дока в своей области. Ну, по крайней мере, он настойчиво советует мне пить побольше валерьянки, я, мол, зря переживаю.

Ага, зря…

Я же видела повестку из суда. И формулировки – те самые, из того трижды проклятого иска, что мне принесла Кристина.

И как мне бодаться с Ветровым? С его возможностями и связями?

Это в радужном мире пони, фей и единорогов суд «всегда на стороне матери». В том мире и взяток с кумовством не существует

Вознесенский – прекрасный практик. Наверное, пару лет назад я бы ему позавидовала, сейчас – уже и нет. С той самой поры, как Света предложила мне поработать у неё юристом, я поняла: сейчас у меня уже и не болит это место. Карьера переводчика мне и вправду заманчивей. Поэтому я даже не стала выпендриваться и играть в адвоката, взяв-таки юриста со стороны.

Ну вот… Опять я о суде.

У меня впереди два чудесных выходных в компании замечательного мужчины и моей дочери. Интимные для нас с Ником. Семейные – для меня и Маруськи, да и для Ника слегка, чего уж тут. Отличная перспектива, а я никак не могу распробовать её как следует. Отвлекаюсь. То на суд, то на Ветрова…

– А солнышко-то у нас решило доспать, – фыркает Ник, уже на выезде из Люберец покосившись на Маруську.

– Солнышко молодец, – вздыхаю я, – я ей даже немножко завидую.

У меня-то в голове немножко гудит. Только я нерационально боюсь прикрывать глаза. А вдруг опять этот приснится? А я в полудреме еще и по имени его назову? И как потом

это объяснять Нику? И не придется ли мне после таких вот вывертов потом стоять на трассе и автостопом добираться до Люберец с Маруськой под мышкой?

– Здесь по закону жанра я должен поиграть мышцой и посочувствовать, – Ник переходит на суфлерский шепот, – и сказать что-то вроде «ты правильно не рассчитываешь сегодня выспаться, крошка».

– Прекрати, – я тихонько хныкаю, вместо того, чтобы засмеяться, – будешь меня смешить, и я разбужу плюшку…

– Согласен, нельзя допустить такого преступления, – хмыкает Ник и милосердно дарует мне тишину. И правильно – не хочу отвлекать его от дороги. И чувствовать себя преступницей тоже не хочу. Но чувствую.

Ну, почему, почему приснился мне не он? Насколько все было бы приемлемей и лучше… А так я с трудом подавила в себе желание увернуться от его руки, когда он приветственно меня обнял. Так накрепко ощущала, что не заслуживаю таких знаков внимания, что было даже желание все переиграть и отказаться от этих выходных.

Но, ну уж нет.

Я не позволю Ветрову даже из моего подсознательного меня достать.

Я не успеваю даже задремать, хотя молчащий Ник явно ожидает от меня этого. У него звонит телефон, закрепленный в держателе. И фамилия абонента заставляет напрячься даже меня, хотя звонят как раз не мне.

– Доброе вам утро, Эдуард Александрович, – деловито и бодро произносит он, дождавшись, когда сработает автоответ на его гарнитуре.

Дальше он в основном слушает, давая краткие ответы. В основном отрицательные.

Нет, он не может сегодня выйти на сверхурочную встречу. И завтра тоже. Он вообще сегодня не в Москве и даже не в пригородах.

Где?

Тут следует подробный адрес конного лагеря, с явной надеждой, что Козырь оценит дальность залета и отложит свои срочные задания на потом.

А потом у Ника замирает лицо. И пальцы на руле крепче стискиваются.

Я помалкиваю, жду, пока он договорит, – завершение разговора у Ника больше похоже на принятие неизбежного. При чем по тону, а не по словам.

«Да, хорошо, Эдуард Александрович, я вас понял, до встречи».

– Что-то случилось? – спрашиваю я, потому что меня все это страшно напрягает.

Ник плотно сжимает губы, косится на Маруську, явно подавляя в себе какое-то крепкое выражение.

– Такахеда, – кратко произносит он так, что фамилия вдруг становится лютым ругательством, – у него там какая-то идея, нужно срочно её обсудить. Срочно! Очень сроч-

но. Козырь же почему-то этому подмахивает. Нет, я понимаю, инвестиции мы получили очень пристойные, но не настолько же, чтобы бегать вокруг этого… Ютаки. Хотя гендиректор всегда прав, и ты этого не слышала.

– И тебе нужно будет уехать? – тихо спрашиваю я, уже до ответа начиная испытывать смутное разочарование. Мне сейчас отсутствие этого мужчины рядом категорически противопоказано. А вдруг я сойду с ума и вечером наберу Ветрова и буду ему в трубку рыдать? Я шучу, конечно, но как известно, в каждой шутке…

Не хватало мне еще одного сна в компании Ветрова. Нет уж. Я хочу, чтобы у меня были крепкие объятия, в которых от этой гадости можно спрятаться.

– Ну уж нет, – недовольно бурчит Ник, раздраженно хмурясь, – я имею право отказаться от таких вот внезапных мероприятий. Я и отказался.

Отважный портняжка. А мне бы решимости не хватило.

– И все хорошо? – на всякий случай переспрашиваю я.

– Ну, как сказать, – Ник невесело ухмыляется, – Козырь приедет к нам сам, сегодня вечером. В компании Ютаки и пары его людей. Устроят переговоры завтра, а после и отдохнут заодно «на природе»…

– Ой…

Интимность наших выходных вдруг начинает разгораться и потрескивать в синем пламени.

Планировался этакий романтично-семейный досуг в кем-

пинге, получается же то ли корпоратив, то ли тимбилдинг. С переговорами в середине программы.

– Это не все новости, Вик, – Ник явно намерен меня сейчас добить, раз уж я не сплю, – знаешь, почему Козырь решил взять и приехать в наш клуб? Даю подсказку, совсем не из-за меня. Я ему и нужен поскольку-постольку он сам перегружаться не хочет.

– Так почему? – ощущая какую-то глобальную подлянку, переспрашиваю я.

– Потому что Ветров, о чудо, уже находится в том же лагере, – как хирург, сообщающий о необходимости срочной ампутации, приговаривает мой сегодняшний день Ник, – и «раз уж так совпало…»

– Я поняла, – сипло откликаюсь я.

Удивлена ли я? Не очень. Застали ли меня эти новости врасплох? Да тоже нет.

Но как же паршиво проигрывать собственной паранойе.

Не мытьем, так катаньем решил встретиться с Маруськой. И ведь разнюхал же, какие именно у меня планы на выходные. Надо ж мне было в них спалиться.

Самое обидное, из-за Козыря теперь как в учебнике по истории: «отступать нам некуда, позади Москва».

А впереди – Ветров!

Господи, за что?

6. Клуб и кони

– О-о-о!!!

У каждого ребенка своя шоколадная фабрика Вилли Вонки, своя Страна Чудес и свой Изумрудный город. Место, на пороге которого ты замираешь в предвкушении того, что именно тут, не сходя с этого места, ты начнешь знакомство со своей мечтой.

У Маруськи, прижавшейся к оконному стеклу носом и ладошками, любующейся на проезжающие мимо неё полосы поля, на которых – о, боже – пасутся лошадки, живые и настоящие, настолько счастливый вид, что мне сейчас очень хочется крепко обнять Ника, и если бы он не был за рулем, пожалуй, я бы так и сделала.

– Спасибо, – негромко произношу я, стараясь, чтобы эти слова прозвучали искренне. В конце концов, этот мужчина заслуживает моей благодарности.

Надеюсь, он все ощутил в том взгляде, которым я упираюсь в его выбритую щеку.

Ник же без лишних слов ухмыляется. Самый уголок рта приподнял, но как же красноречиво. Все хорошо, мол, всегда пожалуйста.

Осталось только понять, откуда это посасывающее ощущение под ложечкой, будто меня одолевает какой-то невнятный страх. С чего бы страх? Не Ветрова же я боюсь, да?

Или все-таки…

Представить, как он упрется в меня своими бесстыжими глазами и будет промораживать ими насквозь, потому что совершенно точно поймет, зачем я приехала аж на два дня с мужчиной в этот конный клуб.

Уж я-то не маленькая девочка, от лошадок не балдею…

Нет, это не то… Да, ползет по коже легкая мурашливая изморозь от этого представления, есть легкое послевкусие чувства, наверняка знакомого неверным женам, пытающимся разгрести ситуацию с неожиданно вернувшимся из командировки мужем и любовником, спрятанным под кроватью.

Дурь, на самом деле…

Но если меня беспокоит не это, то что вообще?

От глупостей в голове я отвлекаюсь в принудительном порядке, сосредоточившись на проплывающих мимо окна пейзажах. На самом деле, есть, на чем. Домики здесь разбросаны вокруг основного комплекса с конюшнями. И пока мы с Ником едем в поисках, где именно мы сможем кинуть наши кости, сумки и прочие свидетельства собственной бренности, мы проезжаем широкие, даже еще вполне себе зеленые пастбища, несмотря на осень, происходящую вокруг.

Впрочем, день-то как раз сегодня не осенний, солнечный, зря я переживала, что хандра Маруськи все-таки победит и смажет впечатление от посещения клуба с заветными лошадками, – все складывается лучшим образом. И Ник выбрал отличный способ зарекомендовать себя в глазах Маруськи.

Ну, кроме Ветрова, бродящего где-то в окрестностях.

И делового сейшена Козыря и младшего Такахеды, который наверняка украдет у меня завтра Ника на половину дня.

Пофиг.

И на Ветрова пофиг, и на деловую встречу.

Все равно нашу субботу никто у нас не отнимет. Жаль только, что при сборе вещей я не додумалась взять с собой сковородку. Ох, как она бы мне пригодилась в общении с некоторыми личностями…

Зато тут есть лошади…

Может, одна из них из чисто женской солидарности двинет этому паршивому мерину по голове копытом?

От лошадок не балдею – это, на самом деле, довольно смелое заявление, на практике быстро оказывающееся далеким от истины. Гуляющие по просторному огороженному пастбищу породистые, шикарные гривастые красотки – ну, или красавцы, черта с два я отличу, хоть даже и окажусь с ними рядышком, – на самом деле заставляют и меня придвинуться ближе к окну и ловить взглядом то одну, то другую.

– Плюшка, а какая, по-твоему, самая красивая тут лошадка? – с интересом озадачиваюсь я, когда сама терплю неудачу в этом начинании. Не могу – они все красивые.

Маруська с уверенностью тыкает пальчиком вперед. Будто уже заранее заприметила ту самую и дожидалась, пока я спрошу.

О-о-о…

Да, пожалуй, во вкусе моей дочери не откажешь.

Черная как смоль, но со светлыми, почти белыми хвостом и гривой. С белой звездой на лбу. И грива-то у нас в косичку заплетена. Ух!

Ник самым удивительным образом вклинивается, тут же определяя этот окрас лошади как серебристо-вороной, а я со своим метким определением «черная» тут же ловлю мысленный фейспалм. Точь-в-точь, как если при моряке ляпнуть, что корабли по морю плавают, а не ходят.

– Ты будто готовился устраиваться сюда тренером, – замечаю я после того, как Ник и Маруська вдоволь наобсуждались, что же это за порода лошадей и как именно это определить.

– Ну, я, если честно, занимаюсь… Иногда… – Ольшанский строит настолько покаянную физиономию, будто я поймала его с поличным на краже пирожных из кондитерской.

– Иногда? – задумчиво уточняю я, потому что, на самом деле, по произошедшей за эти десять минут мини-лекции о повадках лошадей различной породы у меня сформировалось смутное ощущение, что этот тип не ездит ни в какие свои командировки, а торчит тут все выходные.

Ну, или, может, он каким-то неведомым образом закачал себе в голову полный лошадиный справочник?

– Сейчас – иногда, – продолжает мутить воду Ник, в который раз избегая прямого ответа, – в те выходные, по крайней мере, когда ты не соглашаешься сходить со мной в кино.

Маруська зыркает на меня подозрительно, потому что недавно «девочки ей сказали», что в кино «с друзьями-мальчиками не ходят». Сногсшибательный вывод, что если мальчик зовет тебя в кино, то он хочет с тобой, о, ужас, целоваться, и как так можно, фу, так и вовсе довел меня почти до слез.

Это удивительное девчачье самообразование. Интересно, почему в моем детстве мне никто такого не сообщал? Или это я всем вещала такую фигню?

Нет, Маруське дядя Ник по-прежнему представлен как мой друг, и пока я не спешу с изменением этого значения. Слава богу, тот единственный поцелуй, что случился при Маруське, моя дочь неведомым образом все-таки проморгала. По крайней мере, я так и не дождалась вполне законных сомнительных вопросов, которыми меня уже мучили пару раз после тех кино.

Интересно. Ник сказал: «сейчас – иногда». А когда было часто?

Пастбище с лошадьми неожиданно заканчивается, нам становится некого обсуждать. Но ура, Ник все-таки выворачивает по дорожке к небольшому «скоплению» домиков – ровно четыре на хорошо обустроенной ровной лесной прогалине. Потом сверяется с записями в телефоне и выворачивает к крайнему левому – зеленому.

Домик небольшой, двухэтажный, но ужасно уютный даже на вид.

– Ну, что ж, леди, мы приехали, – деловым тоном отчитывается Ник, отстегиваясь от своего кресла, и разворачиваясь к Маруське, чтобы расправиться и с её ремнями, – давайте занесем вещи внутрь, и можем уже идти к лошадям.

К лошадям – это хорошо. Это очень бодрит, по крайней мере, самое шебутное создание в нашей компании. Потому что у неё из вещей один небольшой рюкзачок, с которым она не расстанется даже во время ознакомительной экскурсии по клубу. Зато есть повод поплясать вокруг меня и Ника, мужественно взявшего на себя и свою, и мою сумки, засыпая нас тысячей нетерпеливых вопросов. Вплоть до «а можно мне тут подождать» – потому что Маруська, как и всякий ребенок, уверена: стоит зайти в дом, и вот там-то точно задержишься на неопределенный срок.

– Подождите, да, – кивает мне Ник, а сам исчезает в домике, оставляя меня и Маруську у самых ступенек крыльца. Маруська крутится вокруг своей оси, как юла, пытаясь увидеть сразу все, а я…

А мне оказывается достаточно одного только взгляда на домик напротив. Точнее, на машину, оставленную рядом с ним.

Черт.

А в другом месте он, конечно, остановиться не мог?

Обязательно тут, рядом, чтобы точно до крови измозолить мне глаза. Мне и Маруське.

Я была уверена, что смогу взять себя в руки, но оказав-

шись так близко к неприятному, наглядно ощущаю, что все, что касается Ветрова – крайне быстро портит мне настроение. Буквально в считанные секунды.

Теплые руки ложатся на мои плечи – это Ник уже вышел из домика, спустился ко мне и привлек к себе, заметив, на что именно я смотрю.

– Все будет хорошо, – обещает он мне ласково, – я не дам ему испортить наши выходные. Веришь?

– Верю, – киваю я, ощущая себя лютой стервой. Ну, а кто еще будет врать так просто, не моргнув и глазом, да еще и мужчине, с которым встречается?

Но, что поделать, если правда в моем случае вообще не вариант?

Я боюсь появления Ветрова как-то иррационально, не логично, будто бы он может сидеть и ждать нас где-нибудь в кустах.

Хотя логично же было бы встретить нас здесь, у домиков, раз и он тут. Или он внезапно приехал "вслепую" и снял коттедж напротив нас случайно? Ой, не верю я в такие случайности.

И тем не менее, факт остается фактом. Ветров не выходит к нам навстречу, не выпрыгивает из кустов, такое ощущение, что его тут и не было, а его тачка приехала в этот конный клуб сама по себе.

Ага, до чего я еще, интересно, по нервяку могу додуматься? Что это машина меня преследует? Ну, просто "Кристи-

на" Стивена Кинга, только наоборот.

Через десять минут, как Нику отзванивается секретарь клуба, проверяющая, приехали ли мы на базу клуба, заселились ли, помним ли о записи на занятие у детского тренера, к нам бодрым шагом прибегает невысокая девушка с длиннющей косой и светлыми глазами. Перехватывает буквально на полпути к одной гнедой красотке.

– Здравствуйте, – энергично приветствует нас сие дивное создание в джинсовом комбинезоне под незастегнутой ветровкой, – я – Олеся, и я ваш экскурсовод от клуба.

– Вы, наверное, что-то путаете, мы не заказывали экскурсовода, – меланхолично откликается Ник, явно имеющий немалый опыт в отказе от навязывания услуг.

Хах, а ведь Артемис мне казался таким приличным местом. Надо же, и тут эти добавочные… экскурсоводы, которые потом окажутся «за дополнительную плату».

– То есть как? – девушка аж теряется от таких волшебных новостей. – Маша Титова – это разве не вы? – она так упрямо уставляется на Маруську, что даже я на пару секунд начинаю задумываться на тему, а не могла ли моя дочь взять и заказать себе экскурсовода.

Ага. В восемь лет!

– Ну, допустим, мы, – веско откликаюсь я, тоном намекая, что успех со мной будет ничуть не более значителен, чем с Ником. Я тоже упрямая дамочка. И умею посылать очень многих.

Жаль, Ветрова не умею…

– Услуги экскурсовод-инструктора предоставляются в составе уже оплаченного вами пробного детского урока, – тут же встряхивается Олеся, – я объясню вам правила техники безопасности, покажу нашу территорию и… – девушка коварно бросает взгляд на мою уже надувшуюся от осознания собственной значимости Маруську, – отведу вас в конюшню, куда без инструктора не пускают.

– А лошадку покормить дадут? – у Маруськи вспыхивают глаза.

– Ну, если вы будете хорошо себя вести, юная леди… – хмыкает Олеся, уже явно понявшая, где в нашей дивной цепочке самое слабое звено.

– Ма-а-ам! – Маруська оборачивается ко мне, будто у неё вдруг зачесалась телепатия, и она точно знает, что я все-таки хочу как-то уклониться от получения этого подарка судьбы.

Хочу, да.

Но возбужденная от предвкушения мордашка моей дочери – это страшное оружие.

От идеи романтично и праздно пошататься в компании Ника по территории клуба те полтора часа, что оставались у нас до занятия, мне приходится отказаться.

«Артемис» и вправду оказывается очень приличным клубом. По крайней мере, на вид. Территория между левадами и манежами выглядит ухоженной. Даже очень. Будто местные дворники учитывают каждый листик, что может упасть

на эту дорожку или газон. Учитывают и тут же прячут, от глаз гостей подальше.

Олеся до того бодра и энергична, что и я, и Ник начинаем коситься на неё с любопытством уже на пятнадцатой минуте нашей экскурсии.

Особенно подбадривает меня внимание Ника – значит, и он находит нашу инструкторшу какой-то подозрительной. А может, ему столько баек про коней не рассказывали, сколько сейчас рассказывают Маруське?

Нет, в этом разговорчивом вдохновении ощущается совершенно твердая финансовая заинтересованность.

Чувствую я, что половину стоимости того занятия, что я предоплатила, составляют услуги вот этой вот девочки, которая совершенно случайно – какая-нибудь племянница директора, и уволить её нельзя и нужно всячески способствовать карьерным успехам…

А могла бы просто показать, где тут можно накормить яблоком этого чертового пони, а поглазели бы по сторонам мы сами. Бесплатно!

Голос очень прижимистой внутренней экономки удается заткнуть с большим трудом. В конце концов, Маруська, вон, слушает Олесю, чуть ли не рот открыла от любопытства, уже дважды просила ей рассказать что-нибудь еще про лошадок, значит, определенную часть своих денег Олеся точно отработала. Да и вообще, судя по легкой улыбке на губах нашей сопровождающей, для взрослых у неё найдется баек не мень-

ше.

Надо будет спросить, что ли, когда Маруська будет кататься…

Олеся же наверняка рассчитывает на какие-то чаевые, да?

Нас проводят мимо пастбища – тут мы с Маруськой синхронно вытягиваем головы, чтобы высмотреть ту самую черную красотку, с белой гривой.

– Красавца, – поправляет нас Олеся, когда мы вкратце описываем ей, в поисках кого оглядываем поле и постоянно оборачиваемся, замедляя движение, – Милорд у нас юноша. Очень милый, кстати, общительный. Его должны были забрать на выездку, хотите посмотреть?

Ну конечно, мы хотим! А зачем же мы еще, по-вашему, приперлись?

Маруська так радостно тащит меня вслед за Олесей, как неразряжающийся таран.

Ну конечно. Это же тот самый! Самый красивый.

Интересно, мне привиделось выражение легкого облегчения на лице Олеси или я что-то себе надумываю?

Боже, ну неужели Маруська наконец раскуклилась? В последнюю неделю я только чудом не согласилась-таки устроить ей встречу с Ветровым, уж больно печальный был у Плюшки вид в среду и четверг.

Боже, как же я ненавидела – и себя, за то что не нашла никакого другого объяснения для своей дочери, чем правда, и Ветрова, которого мне совершенно не хочется никак оправ-

дывать. Он в этом виноват, точка!

Впрочем, если бы дело дошло до апатии, пожалуй, тут я бы не выдержала. Наверное, все-таки поговорила с бусинкой и согласилась бы на эту дурацкую встречу.

И тряслась бы как припадочная, боясь, что Ветров начнет её прессовать сейчас, когда она совершенно к этому уязвима.

Слава богу, что до этого не дошло.

Глаза у Маруськи очень искренне горят, когда она, стиснув пальцы на белой перекладине ограды левады, любуется, как белогривый Милорд чеканит шаг на песке, высоко задирая колени. Или запястья?

Я только примерно проглядывала анатомию лошадей, и на память сейчас вспоминаю только одно: таки между задними ногами и передними у лошади есть разница.

Милорд красуется, это очевидно, и в сторону нас – его зрителей – косится любопытным темным глазом, но всадник заставляет его заняться делом, недовольно хлопая по шее и требуя сосредоточения.

Сейчас, когда Милорд оказывается так близко к нам, не залюбоваться им просто невозможно. Он оказывается даже еще красивей, чем показался нам издалека. Грациозный, сильный и… Действительно послушный. По крайней мере, наездника он слушается так, что на мой непредвзятый и неопытный вкус, даже не придерешься.

Хотя Ник как-то странно хмурится, но я не настолько разбираюсь в этих всех нюансах выездки, чтобы понимать, что

именно мой опытный спутник находит неудовлетворительным. Спрошу, когда Милорд закончит, пока Маруська будет кормить того пони, что ей разрешат.

Выездка, на самом деле, – занимательный процесс.

Конь движется так, будто приплясывает или марширует, или все это делает одновременно. Мужик, что сидит на нем, нас не особенно и занимает. Что там особого? Ну, черная ковбойская шляпа, ну, пафосная бандана, повязана самым бандитским образом – так, что закрывает половину лица. Этот парень – из тех, кто тут устраивает шоу для случайных визитеров, он должен выглядеть вот так, с помпой, чтобы заинтересованные клиенточки потом записывались к нему на тренировки.

Пофиг на мужика. Конь интереснее!

Вот и Маруська сейчас со мной наверняка согласится.

Хотя осанка у всадника очень даже – твердая такая. Уверенная… Наверняка многие из подобравшихся к заборчику левады зрительниц на неё и на эту сквозящую в обращении с конем твердость подзалипли. Но закрытая темной банданой физиономия у меня все-таки вызывает подозрения. Что там за комплексы, что понадобилось прятать лицо? Или «цените мои профессиональные качества, а не морду моего лица»?

Когда Милорд вдруг останавливается напротив нас, Маруська возбужденно попискивает. Тот самый оказывается к ней настолько близко, что только через заборчик перемахни – и можно будет потрогать…

На всякий случай я прихватываю свою Плюшку за капюшон курточки. Я, конечно, знаю свою дочь, и она у меня девушка исполнительная – нарушать предписания не любит от слова совсем, но… Кто знает… Тот самый же!

А меж тем, легко и непринужденно всадник спрыгивает с коня, передавая поводья кому-то из тут же подскочивших работников.

И шагает в нашу сторону удивительно знакомым шагом.

А я милого узнаю по походке, блин!

Узнала. Жаль только, поздно. За сковородкой бежать поздно!

На солидарность коня, я, понятное дело, уже не рассчитываю.

7. Необходимость поражения

Господи, и как у меня из головы вылетело, что да, он занимался конным спортом, по настоянию матери и занимался. И конкуром, и выездкой, правда, бросил лет в восемнадцать, но… Судя по всему, вернулся к этому хобби уже после нашего развода. В седле Милорда он держался уж больно уверенно.

Спланировал. Все четко спланировал, от навязанной нам болтливой Олеси – теперь четко ясно, в чьих именно чаевых она была заинтересована, – до вот этого неторопливого шага к нам. Вальяжного. Самоуверенного.

Наверное, именно так чувствовала себя идущая по углям и ножам русалочка. Парадокс: шагает к нашу сторону Ветров, причем твердо так топчется темными сапогами по светлому песку, а кровью от каждого шага истекаю я. Будто каждый шаг – это удар топором именно по моей шее.

Когда уже моя голова наконец отвалится, а?

Лучше б никогда, ведь это будет означать, что я сдалась и проиграла в этой войне. Ему – не проиграю. Не мою дочь.

Осталось понять: как сейчас выиграть?

– И-и-и-и… – Маруська это даже не выдыхает, она это попискивает, судя по напрягшимся, как у ловчей плечикам, моя дочь сейчас словила что-то вроде фанатской эйфории.

Еще бы она её не словила.

Такой! умелый! наездник! И к нам идет!!!

Конечно тут будет: И-и-и-и!

По крайней мере – я в семь лет, очутившись со свежевознесенным мини-кумиром, тоже так бы и пищала. А в те времена кумиром мог стать даже дяденька, что поднял двух взрослых тетенек, хотя уж я-то точно не мечтала о тяжелой атлетике. И даже о тяжелоатлете не мечтала, мне было рано. А вот восхищаться – это мы могли. Вот и Маруська сейчас именно что восхищается.

Ну и конечно, это я узнаю Ветрова по походке, а чуть он приближается – и по слишком приметным глазам, а вот Маруська – нет. Она с открытым ртом смотрит на «дядю-наездника», что уже подошел к забору и настолько беззаботно через него перелез, будто целыми днями только этим и занимается. По глазам моей дочери можно понять: она явно раздумывает, как бы незаметненько оторвать от этого самого дяди кусочек на память о таком знаменательном знакомстве.

А потом Ветров спускает со своей наглой морды бандану, а я с трудом удерживаюсь от того, чтобы не стиснуть плечи Маруськи сильнее.

Вот бы матом его обложить…

Жаль, я таких матерных слов не знаю, которые бы подошли ситуации.

Он снова загнал меня в угол. Буквально, не оставил даже шанса уклониться от встречи с ним.

– Здравствуй, солнышко, – негромко произносит Ветров,

опускаясь на корточки и заглядывая Маруське в лицо, – ты даже не представляешь, как я по тебе скучал…

Сухое пощелкивание мыслей внутри я бы предпочла не слышать.

Да, я вижу, что он не врет.

Ну, или по крайней мере, очень старается не врать.

Он со мной не заговорил – это хорошо, я бы не хотела вызвериться на него при Маруське, а я могу: все, на что меня сейчас хватает, – это молчать с перекошенной миной, торопливо затыкая все всплывающие на поверхность памяти крепкие междометия себе за пазуху. Нельзя сейчас. Не при Маруське. Остальная куча народу вокруг вроде как не в счет.

А вот хватку на плечах Плюшки можно и ослабить – от такого у неё могут остаться синяки, а на следующей неделе должна быть какая-то прививка. Разбирайся потом со школьным психологом, что у нас в семье не так, по мнению школьной медсестры.

Маруська стоит столбиком. И мелко дрожит. И, насколько я успеваю заметить, сжимает и разжимает кулачки, будто пытаясь понять, что ей делать.

Бить или не бить? Обнять или не обнять?

– Малышка… – и почему Ветров с его-то чутьем на тонкий лед и опасность не пошел в саперы? Хотя его осторожный тон – лишнее доказательство, что по крайней мере для Маруськи он очень старается выглядеть виноватым и хорошим.

Или все-таки не только выглядеть?

Я не успеваю ничего сказать и вклиниться между дочерью и Ветровым, сгладив острые углы. Потому что Маруська вдруг принимает решение в своей внутренней дилемме, и совсем не то, какое от неё кто-либо ожидал. Моя Бусинка резко дергается, выворачиваясь из моих рук, врезается в Ветрова с размаху – не с обнимашками, нет, хотя он на это и явно надеялся. Она толкает его в плечи, заставляя пошатнуться, – как он не растянулся на земле, для меня остается загадкой, – а потом пулей уносится прочь, в сторону крашенной красной краской высокой конюшни.

– Машка! – я только и успеваю её окликнуть, от удивления – даже не домашним именем, а официальным, только моя Плюшка даже не оборачивается.

Шах и мат.

Что примечательно – никакого удовлетворения. Только сильнее клокочет внутри горечь. Потому что, может быть, Ветров и последний гад и сволочь, только вот это с Маруськой происходит из-за меня. Я ей сказала…

– Вика… – Ник и Яр окликают меня синхронно, когда я бросаюсь вслед за дочерью. Один – озабоченно, второй – даже виновато. Впрочем, мне сейчас не до триумфа, меня занимает только Маруська, эти двое могут и подождать.

– Оставайтесь тут, – бросаю я через плечо, – оба. Вы сейчас только помешаете.

Господи, только бы она не убежала далеко. Как я её здесь

найду потом? Это же маленькая вселенная посреди высокого елового леса. Экологичненько и красивенько, но озабоченной матери маленькой единорожки, которая и без нервного напряжения особо не смотрит по сторонам и летит не разбирая дороги, – не очень-то спокойно.

А еще – господи, дай мне, пожалуйста, нужные слова. Такие, какие точно спасут ситуацию, сгладят её до допустимого уровня.

Потому что вот сию секунду я совершенно не представляю, как мне мою дочь успокоить.

Маруськи не хватает на дальний забег – слава всем богам. Но хватает на то, чтобы найти самую дальнюю конюшню, ту самую, у которой даже персонала не пасется, и нырнуть в неё, чтоб потом не вынырнуть.

Без инструктора не пускают, говорите?

Раздолбайство – это всеобщий бич, даже вот таких вот претенциозных заведений, как конно-спортивный клуб «Артемис», на сайте которого гордо висит расписание всероссийских соревнований по конкуру, которые проводятся на их базе.

От такого резкого скоростного забега у меня начинает покалывать в боку. И все же перехожу на медленный шаг при виде моей дочери, отчаянно мечущейся по чистенькому коридору между пустыми стойлами в поисках, где бы ей спрятаться от нас всех, безмозглых взрослых, подальше.

Не находит – и прижимается к стене спиной, глядя на ме-

ня глазами отчаянного, загнанного в угол зайца.

Господи, первый раз она так на меня смотрит…

И вот теперь сбежать хочется уже мне, только за такое точно надо будет расстрелять без суда и следствия. Пасуют и бегут от проблем маленькие девочки. Мама должна уметь это все разруливать.

И побыстрее. Чем быстрее разрулишь, тем меньше непоправимого ущерба случится.

– Бусь, ну что ты? – к Маруське я приближаюсь медленно – не хочу спугнуть своего зайчонка. Метнется она под моими руками – и поминай, как звали, только и уповай, что успеешь схватить вертлявую егозу за тот же капюшон. А не получится – придется снова носиться по территории клуба, пугая посетителей своей обеспокоенной физиономией.

Между нами остается всего один шаг, и это расстояние – как минное поле, на которое ступишь – и точно рванет. Но мы попробуем по-другому.

Я опускаюсь на корточки, чтобы видеть Маруськины глаза и не смотреть на неё свысока. Иногда взрослый авторитет совсем не нужен.

Свои ладони я к Маруське протягиваю как-то сама. Без особого умысла – просто предлагая.

Хочешь где-то спрятаться – давай тебя спрячу я.

Со мной у мамы такое срабатывало.

Правда и фееричный папа в моей жизни так и не появился. Хотя нельзя ведь сказать, что я его не ждала. И хорошо,

что не появился. А вот с Ветровым так уже не будет.

Приглашением Маруська воспользоваться не спешит, раздумывает, но и я так быстро не сдаюсь – двигаюсь по «минному полю» медленно, по чуть-чуть сокращая расстояние. Нам нужен диалог или хоть какое-то сближение для начала, чтобы разбавить этот страх. Чтобы она поняла: я не заставлю её выбирать, мне это не нужно. Я никогда этого не хотела. Поэтому даже не портила её мечты собственными воспоминаниями о Ветрове. Ведь папой он может быть лучше, чем мужем. Даже если не знает, что он – папа.

С женой можно развестись, и она легко становится чужим человеком. Ребенок при разводе все равно остается общим.

– Солнышко…

В какой-то момент Маруська отворачивается и утыкается лбом в бревенчатую стену. Хорошая возможность, чтобы сделать марш-бросок и обнять, наконец, Плюшку за колючие худенькие плечики.

Вопреки моим ожиданиям, Плюшка не сопротивляется, как это у неё бывает, когда она дуется на меня, – стоит этаким пассивно сопротивляющимся объятиям Буратиной.

Нет. В этот раз она сама прижимается ко мне, крепко-крепко вцепляясь ладошками в мои руки. Уже хорошо – маму мы не боимся.

Осталось только поговорить.

– Не бойся, солнышко мое, – тихонько шепчу я, стискивая Маруську крепче, – ничего не бойся. Я рядом. И всегда буду.

Пальчики Маруськи сжимаются на моих запястьях так отчаянно, будто я её спасательный круг, и она вот-вот уйдет под воду.

– А он… Он меня сейчас не заберет? – тихонько, так, что я аж вслушиваюсь, чтобы разобрать её шепот, спрашивает меня Маруська.

Вот оно, блин. То, из-за чего мне хочется сдохнуть. Всего-то нечаянно ляпнула правду на вопрос дочери «Мам, а почему ты плачешь?» – и вот сколько последствий. Кто меня тянул за язык, а?

У Маруськи уже, поди, в голове красочная картинка, где Ветров хватает её в охапку и запихивает в свою машину, уезжая в закат. Можно сделать поправку на коня, суть от этого не меняется.

– Нет, солнышко, – обнять бы её еще крепче, чтобы уж самой поверить в то, что говорю, да только, боюсь, у мелкой моей затрещат её хрупкие косточки, – не заберет.

– А потом? – тихо озадачивает меня Маруська, как и многие дети умеющая формулировкой вопроса поставить в тупик. Что лучше – сладкая ложь сейчас или горькая правда потом? Ведь он может же… Как бы отчаянно я ни боролась, в моем случае это всего лишь дон-кихотская попытка устроить спарринг с мельницей.

Мама всесильная потом так запросто станет мамой-обманщицей. И какой смысл у этого вранья в этом случае?

И все-таки…

– И потом не заберет, – отрезаю я, и все-таки стискиваю свою дочь в руках еще крепче, – он просто увидит, какая я на него злая, и тут же передумает.

Ветров – и передумает, ага. У него же самое любимое развлечение – рушить мою жизнь до самого основания.

Вот только Плюшке этого лучше не знать. С неё хватит нашей правды!

Она и так тихонько похныкивает, утыкаясь носом в сгиб моего локтя. Ну вот, теперь мы еще и ревем. Вот и где то космическое материнское прозрение, когда его так не хватает?

– Плюш, – я осторожно разворачиваю дочь к себе, усаживая её на колено, пробегаюсь пальцами по щеке, стирая слезинку, – ты все еще боишься?

Маруська молчит, но еле-еле дергает из стороны в сторону острым, таким моим подбородком. Еще и плачет молча, прикусив губешку, выпуская из меня еще порцию свежей крови. Упрямо хмурится, типа «Вот еще, буду я бояться».

Бойцовый мой мышонок, уж насколько все проще было бы, если бы ты была принцессой. У принцесс эмоции наружу, они поплакали, а потом поправили корону и полетели дальше. А моя мышка ищет себе норку-укрытие.

– Ты по нему соскучилась? – тихо спрашиваю я и замечаю, как Маруська спешно прячет взгляд и покачивает головой во второй раз. Она уже в том возрасте, когда можно осознанно врать, хоть и получается это фигово. Значит – соскучилась. Даже очень. И даже боится мне это показать, хотя я ведь точ-

но не хотела, чтобы моя дочь поддерживала меня вот так.

Совсем я съехала с катушек с этими разборками.

Вот только как мне принимать необходимое решение, зная, что на самом деле хочет Ветров?

Ведь любая встреча с Маруськой для него – как тур игры в покер, в котором любая улыбка моей дочери – это для него удачная карта в его комбинации.

Да, мнение ребенка учитывают в суде, даже если он десятилетнего возраста не достиг, – вызывают там представителя органов опеки, вот это все, но…

Но Маруське нравится папа.

И условия проживания у него лучше.

Не говоря уже о том, что связей больше.

И на чьей стороне будет суд?

Да, мой адвокат бодро обещает мне победу, но что еще он может обещать-то?

Я кусаю щеку изнутри, глядя на враз потухшую мордашку моей дочери. Еще полчаса назад она светилась предвкушением, а теперь – кажется, что выходные испорчены бесповоротно.

Если смотреть правде в глаза, то что я вообще могу поменять в этой ситуации? Мой единственный рычаг – сама Маруська, и пользоваться ею – это совершенно противозаконно. Я ведь не хотела насолить Ветрову, хотела только защитить свое…

– Мне кажется, папа очень хотел тебе понравиться, –

негромко и очень осторожно произношу я, играя в капитана Очевидность. Конечно, хотел. Не для меня же он выпендривался, в конце концов, – забавно, что ему тоже Милорд понравился, да?

Дочь косится на меня и снова прячет лицо, зарываясь в свитер на моей груди. Вся и мелодика в том, что ей понравилось выступление Ветрова. И насчет совпадения вкусов – тут Ветров тоже попал в самую точку, Маруське это и правда нравится как факт.

Еще бы – папу она почти не знает, но все равно – так сошлось!

И её просто выжигает необходимость войны с заветным папой. Моей войны!

– Солнышко, все хорошо, – шепчу я, утыкаясь губами в мягкие темные волосы у её виска, – я не прошу тебя выбирать. Если ты хочешь поболтать с папой – я на тебя не обижусь. И он тебя от меня не украдет. Он же у тебя не бандит.

Сволочь только, самая последняя, но это все-таки – лишь для меня. Эксклюзив и все такое.

Маруська все еще упрямо кусает губу. Будто сомневается, что я ей говорю правду. Приплыли, блин!

А что я могу? Только еще раз крепче обнять, чтобы никто даже не попытался сейчас ей навредить.

– Ну, или хочешь, поедем домой? – предлагаю я кардинальный метод поменять ситуацию. Как я и думала, он оказывает нужный мне эффект. Плюшка напрягается, явно

сбрасывая эту растерянность и начиная взвешивать минусы этого радикального решения. Отлично вышло вывести её из этого депрессивного ступора.

Как это домой, а как же покататься? Мы ж за этим сюда приехали!

Да и папа – мы на него, конечно, злимся, с мамой за компанию, но… Хочется же поболтать. Хотя бы! Раз уж мама не против…

И, ой, как маме страшно быть не против…

– Ну что, Плюшка, поехали? – тереблю я дочь за рукав курточки. – Пошли вещи обратно в машину к дяде Нику запихнем и…

– Не-е-ет, – Маруська мотает головой, наконец-то раскукливаясь, – дядя Ник обидится.

И ты даже не представляешь, как…

– Ну, он же на меня обидится, – фыркаю я, – хотя, если ты хочешь остаться… Тогда нам надо идти к тренеру. У тебя занятие через полчаса.

Последний шмыг немножко красным носиком – я вытягиваю из кармана своей куртки пачку бумажных платочков, чтоб мое чудовище высморкалось, – и Маруська тянет меня в обратную сторону, к дверям конюшни, в которых на нас зависает… Олеся. Вид у неё виноватый. Но, судя по всему, именно благодаря ей нас не шуганул вот тот бородатый мордатый мужик, что стоит чуть поодаль за её спиной. По крайней мере, на меня он смотрит мрачно, будто я не в пустую

конюшню зашла, а в святая святых, в которой он хранит священный Грааль, не меньше.

Пофиг.

Главное, что Маруськина теплая ладошка лежит в моей руке, её мордашка потихоньку светлеет – мысли о долгожданном катании все-таки вытесняют из головы мысли плохие, и этот выходной еще можно спасти. Ну, по крайней мере, я в это верю.

– Кстати, насчет папы я не пошутила, – негромко замечаю я, чтобы закрепить эту информацию, – если тебе хочется – и раз уж он уже приехал, я скажу ему, что вам можно погулять.

Маруська сначала сбивается с шага, потом смотрит на меня, и снова начинает шагать вперед, к той самой леваде, где перед нами выделывался на Милорде Ветров. Шаг у неё становится еще бодрее.

Мне бы такое настроение. Я вот это свое поражение принимаю, только стиснув зубы покрепче и стараясь не представлять физиономию удовлетворенного очередной победой Ветрова.

Это ради Маруськи. Только для неё. А на него мне плевать.

Ох, пожалею я об этом разрешении, ой, как пожалею.

Только не догадываюсь, насколько быстро…

8. Спорщики

– Ты не представляешь, насколько я задолбался тебя видеть, Ярослав Олегович, – хрипло роняет Ольшанский, явно подумывающий о более крепких эпитетах в моей адрес, – Тебе же тысячу раз говорено, чтоб до суда ты к Маше не приближался. Так какого же хр… черта ты приперся?

Такого черта, что не собирался позволять тебе, Николай Андреевич, подкатывать к моей женщине через моего же ребенка.

Хотя черта с два я тебе это озвучу, ты так забавно пыхтишь, что твою агонию я просто обязан продлить еще на четверть часа.

От Ольшанского и вправду веет нешуточной злостью, будто здесь я посягаю на его территорию. Хотя почему это «будто»? Так оно и есть.

Я действительно посягаю. Правда, с моей точки зрения, эта «территория» изначально была моей, и всяким оккупантам желательно уже осознать собственную ошибку и убраться подальше. Потому что мое терпение не отличается такой уж особой эластичностью.

Мои пальцы мнут и перетирают друг между другом твердый фетровый край шляпы, тем самым донося до меня дивную истину – я нервничаю. Я действительно нервничаю. Но, разумеется, не Ольшанский тому причиной, многовато че-

сти…

В той стороне, куда унесло Машутку и Вику, никого не видно, кроме пары хмурых конюхов. По крайней мере, ни той, ни другой все еще не видать. И если бы не было прямого Викиного запрета, я бы сейчас уже шагал в ту сторону, мне же приходится стоять на месте и всячески игнорировать с каждой секундой все более распаляющегося противника.

В конце концов, Вике и вправду лучше знать, как разрешать заваренную мной ситуацию. Все-таки, стоило начать со звонка. Хотя, толком и не знаю, что бы это поменяло. Слишком уж крепко Викки уперлась в свое.

Все-таки я её уже основательно достал…

– Интересно, если я тебе по морде дам, Вика сильно расстроится? – задумчиво произносит Ольшанский, уже будто и не обращаясь ко мне вовсе. – Мне почему-то кажется, что только спасибо скажет.

Много слов – мало дела. Хотел бы дать по морде – дал бы, еще когда я только открыл лицо. Ну, или когда убежала Машутка – была возможность изобразить из себя рыцаря-заступника. Сейчас – уже поздно.

Своим мыслям ухмыляюсь невозмутимо. Наблюдать за попытками Николая добиться от меня реакции – даже забавно, только беспокойство одолевает меня сильнее.

Девочек все еще нет.

Интересно – сколько времени потребуется Викки для разговора с Машуткой? И вернется ли она после этого разго-

вора сюда, или сразу, избегая моей компании, уйдет по своим делам? Я, конечно, догоню – я уже успел разнюхать, в какой леваде назначено Машуткино первое занятие, но все равно… Хочется, чтобы расклад был иным. Все и так пошло через одно место, потому что я все-таки надеялся, что дочь не будет от меня бегать. Может быть, надуется, отвернется, спрячется за маму, но такой побег я предполагал в последнюю очередь.

Черт!

Только бы не сделать еще хуже. Как показывает практика, в этом направлении дно не достигается никогда. Хуже можно делать абсолютно всегда.

У нас с Николаем что-то вроде патовой ситуации, когда оба мы стоим и ждем, не двигаясь с места.

– А наездник из тебя, кстати, паршивый, – вскользь, но уже точно доведенный до ручки моим игнором, роняет Ольшанский, – может, на девочку тебе и удалось произвести впечатление, но только потому, что она не разбирается.

Я кошусь на него и насмешливо улыбаюсь. Ладно, твоя взяла, Николай Андреевич, поговорим. Сделаем вид, что я повелся на этот дешевый развод.

– Значит, ты разбираешься? – фыркаю я, сбивая с локтя приземлившуюся на него пылинку. – И конечно же, в седле ты держишься лучше?

– Лучше тебя держаться не сложно, – Ольшанский как мальчишка, тут же закусывает удила. Боже, как ему не тер-

пится со мной помериться хоть чем-нибудь, аж смешно. Да, достал я тут не только Вику. И это ведь Ник еще не знает ни о чем. Ни о поцелуях у Викиного подъезда, ни о моих методах ведения переговоров. Знал бы – уже бы, поди, от бешенства собственную челюсть проглотил.

Я закатываю глаза, красноречиво и без слов обозначая, что брехать каждый может, а ты пойди и оседлай Милорда, этого манерного стервеца, которого я с утра окучивал, налаживая хоть какой-то контакт. Чтобы не просто сесть и кружок проехаться по леваде, а поработать в нормальном режиме.

Да, конь был вполне коммуникабельный. Но под незнакомыми наездниками начинал заплетаться в уже знакомых конечностях, поэтому мы и знакомились – и между собой, и с ногами Милорда, оба сразу и в торопливом порядке, но все вышло неплохо.

Еще бы знать, понравилось ли Машутке наше с Милордом выступления. Мне показалось, что даже очень…

– Может, поспорим, раз уж ты так в себе уверен? – Ольшанский никак не может уняться – впрочем, оно и понятно. Я тоже никуда со своего места испаряться не спешу. – Это, конечно, не равно тому, чтоб дать тебе по морде, но мне все равно очень хочется поставить тебя на место.

Такое ощущение, что ты до этого дорос, Ник.

Я склоняю голову набок, разглядывая своего противника. Судя по глазам, он что-то задумал. Я был бы очень в нем

разочарован, если бы этого предвкушения не было. В конце концов, когда соперник не может продумать линию своего поведения хоть на пару шагов вперед, играть с ним становится неимоверно скучно.

– Ну, и на что мы спорим? – скучающе уточняю я. Так, будто я по-настоящему заглотил его наживку.

– Если я выиграю, ты к черту свалишь из «Артемиса», – у Николая в глазах полыхают костры, и я даже знаю, для кого их развел, – прямо сегодня. В течение часа.

– Встреча с Такахедой завтра, – напоминаю я ехидно, – и мне, как и тебе, уже отлучаться отсюда нельзя.

– Значит, запрись у себя и не вылезай на божий свет, – Ольшанский спохватывается быстро, – чтобы не портить настроение ни Вике, ни Маше, ни мне.

– А если я выиграю, то ты запрешься? – насмешливо парирую я, прищуриваясь. У Ника дергается край рта. Кажется, он в своем выигрыше совершенно не сомневается, но все-таки на такую ставку не согласен.

– Это не одно и то же, – вполне ожидаемо взбрыкивает Ольшанский, – со мной приехала Вика.

– Так что, оставишь мне этот плацдарм, если налажаешь? – ухмыляюсь я, а сам краешком глаза замечаю Вику, все-таки выходящую из дальней конюшни. И Машутка с ней. Так, надо бы ускориться в уламывании этого ишака.

– Облезешь, – Ник оказывается не настолько азартен, хотя я не всерьез предлагал именно эту ставку. Даже больше, если

б он согласился бросить Викки ради собственных дешевых понтов – я бы сам ему по морде дал, да как-нибудь потравматичнее, чтобы довелось насладиться хрустом переломанных носовых хрящей, – придумай что-нибудь свое и пооригинальнее, ковбой.

Его презрительные интонации меня не трогают абсолютно, равно как и его – мой оценивающий взгляд. Свое, значит? Пооригинальнее?

Да можно сказать, за душой Ольшанского и нет ничего такого, что могло бы меня заинтересовать, кроме той, которую лично я никогда в заклад не поставлю. Хотя…

– Я придумаю попозже, – хмыкаю я, не выдавая никак выражением лица, что наметки-то у меня на возможный выигрыш имеются, а затем склоняю голову к плечу, – в чем же ты думаешь, что лучше меня, а, Ник?

Во всем – об этом мне сообщают самоуверенные глаза Ольшанского.

Спорить с его убеждением? Да ну что вы, кто я такой, чтобы мешать человеку наступать на грабли? Нас рассудят лошади и чистое мастерство. Вот они хорошо ставят на место все завышенные представления о себе.

– Здесь есть круг для стипль-чез[1], – Ник улыбается мне, но примерно так же дружелюбно, как если бы только что за-

[1] Барьерные скачки, или стипль-чез – скачки по пересеченной местности или скаковому кругу с установленными барьерами. Наперегонки, и в этом их принципиальное отличие от того же конкура, в котором всадник и конь справляются с препятствиями соло.

казал фуа-гра из моей печени, – ты хотя бы в курсе, что это такое? Три круга по полю, на скорость, а чистоту прохождения оценит не купленный тобой тренер.

А купленный тобой – так и хочется спросить. Хотя ладно. Ольшанский из правильных парней, тех, которые не нарушают правила игры. Ну, если я, конечно, не ошибаюсь.

– Если ты, конечно, в седле удержишься, – добавляет Ник тут же, явно не находя в себе сил отказаться от новой подколки.

Я скучающе позевываю, всем видом демонстрируя, что и этот выпад улетел в молоко. Хотя ладно, не буду врать, Ольшанский забавен в своем желании меня доконать. Настолько забавен, что мне даже его убить не хочется, а это – нонсенс, покуда этот мачо находится рядом с Викой.

И наверняка ведь строит "планы на вечер"…

Но вернемся к нашим граблям. К нашим граблям, наступит на которые Ольшанский.

– Годится, – я снова ухмыляюсь и протягиваю вперед ладонь, – только не забудь, что ты мне должен, когда проиграешь.

За это время Вика успевает почти к нам подойти и остановиться в трех шагах с абсолютно каменным лицом, глядя, как Ник с холодной ухмылкой сжимает мои пальцы.

О да, ей это не нравится. Даже при том, что она не знает, в чем дело.

Ну, прости, родная, но не может же все у нас оставаться

так, как сейчас.

Тем более, почему бы не получить необходимый мне бонус, раз уж Ольшанский так отчаянно впихивает его в мои руки.

Он ведь сдержит слово. Такие, как он, не умеют не держать.

Хорошо иметь честных соперников. Они ужасно предсказуемы. А самоуверенный соперник – это и вовсе подарок небес.

– Полчасика тебе хватит на то, чтобы найти лошадь? – насмешливо уточняю я. От Милорда я отказываться не собираюсь, тем более, что он очень хорош в барьерных скачках, по крайней мере, в его анкете было написано именно так.

Вопрос только в том, насколько я хорошо с ним управлюсь. Не переоцениваю ли ту связь, что мы уже не один час устанавливаем с этим конем.

– И двадцати хватит, – Николай фыркает, скрещивая руки на груди.

– Что происходит? – Викки все-таки подходит и все-таки вклинивается в нашу с Ольшанским беседу.

– Пытаюсь спасти наши выходные, – ровно откликается Николай, пытаясь высверлить во мне сквозную дырку.

А я опускаю глаза и цепляюсь за косой взгляд дочери, брошенный на меня украдкой. Только цепляюсь – Маруська тут же утыкается лицом в куртку Викки, явно избегая снова встречаться со мной глазами.

Малышка моя. Обе вы – мои, но ты – мое чудо, то, что я еще не совсем потерял. По крайней мере, с тобой я еще вижу шансы.

Вот с твоей мамой у меня куда хуже все обстоит.

Господи, как мне дожить до этого трижды распроклятого вторника? До того дня, когда я наконец смогу с ней поговорить так, чтобы она меня услышала. До него и шансов нет ни на что.

– Ветров, что ты задумал? – Викки спрашивает в лоб, заставляя меня обратить внимание уже на неё. Забавно. Интересно, она и вправду надеется на прямой ответ, или все-таки больше надеется считать в выражении моего лица?

Ник за это время уже отчалил – переодеваться и за лошадью, уронив при этом небрежно: “Встречаемся у семнадцатого поля”.

– Я? – я округляю глаза, задумчиво касаясь взглядом – увы, пока только им – поджатых мягких губок бывшей жены. – Я тут ни при чем, родная. Николай Андреевич сам изволит за тебя стреляться. Ужасно хочет, чтобы я не мельтешил у вас под ногами.

– Он что? – Викки тревожно оборачивается, впиваясь взглядом в спину Ника, будто прикидывая, можно ли еще его окликнуть и остановить.

– Он со мной поспорил, – ухмыляюсь я, объясняя прямо, – если он меня уделает – я оставляю вас в покое и даже в поле зрения не появляюсь. Ты не возражаешь, если я пройдусь до

поля боя? А то как бы там без меня не начали.

Она возражает. Она очень возражает. Правда, только про себя. Ведь и вправду, к этой чудной гонке я причастен только своим согласием.

Викки разворачивается и торопливо шагает за Ником – увы, уводя от меня и Машутку. Понятия не имею, что она задумала и на что рассчитывает.

Интересно, а в нашем с Ольшанским споре техническое поражение предусмотрено как возможность?

9. Канкан по граблям

Они подбираются друг к другу бочком и думая, что я этого не замечаю. Правда, оба бросают на меня настолько вороватые взгляды, что понятно: они точно знают, в каком месте и что нарушили. Оба ждут, что я сейчас одерну и запрещу им все это, только я пытаюсь выдержать на лице невозмутимость. Нет, не прикидываясь, что я ничего не замечаю, но и не давая претворяться в жизнь первым порывам.

Меньше всего я предполагала, что мне судьбой уготована роль надсмотрщицы.

Мне хочется многого: резко развернуться, прихватить Маруську за рукав курточки и оттащить её от Яра. Подальше, чтобы он не задурил ей снова голову. Потому что страшно. Ужасно страшно – то, что разворачивается впереди.

Я её потеряю. И куда ни иди, с любой стороны это кажется неизбежной перспективой.

На языке становится солоно – от напряжения, выворачивающего меня изнутри, я прокусила губу. Даже странно, что не насквозь.

Я. Не. Буду. Им. Мешать.

Каждое слово этой фразы отдается выплеском крови. Но пока что пациент еще жив. Так что я в любом случае должна.

– Мама на тебя злится, – звонко сообщает Маруська миру, из чего легко сделать вывод, что расстояние между ней и па-

почкой уже настолько небольшое, что можно и поговорить.

Я нарочно не разворачиваюсь ни в одну из сторон – не хочу казаться хоть малость заинтересованной в подслушивании чужих разговоров, тем более, что я тут жду Ника, который совершенно спятил с этим идиотским спором. Да и демонстративно отворачиваться тоже вроде как перебор.

Но мои уши отчаянно пытаются превратиться в локаторы. Да и глаза отчаянно косятся в сторону моей дочери и Ветрова, что присел напротив нее на корточки и теперь смотрит на неё, не спуская глаз.

– А ты, солнышко? – Ветров говорит негромко, но все-таки я разбираю.. – Ты на меня еще злишься?

Маруська с независимым видом задирает нос. Не было бы мне так паршиво, я бы не удержалась, фыркнула, потому что эта артистка на самом деле прекрасно чувствует такие моменты, когда можно из себя построить маленькую обиженную малышку.

Ветров улыбается краем рта, кажется, вот это понимает и он. Все-таки есть достоинства и у его проницательности. Хотя такое умение втираться в доверие – это все-таки недостаток.

Пальцы только сильнее впиваются ногтями в плечо. Черт возьми, как это пережить, а?

– И никогда-никогда меня не простишь? – мягко увещевает Ветров, заставляя ненависть во мне булькнуть еще сильнее. Ненавижу его вот таким. Когда на самом деле хочется

взять и простить, хотя некоторые вещи прощать нельзя. Ни в коем случае нельзя!

– Никогда!

У Маруськи выходит категорично, но не убедительно. Ветров это ловит слету, поэтому, наверное, ужасно драматично вздыхает.

– Что, и даже болеть в гонке за меня не будешь? Будешь за дядю Ника?

Господи, как бы я хотела услышать все то же «Да», вот только Маруська на этот вопрос отвечать не торопится. Думает. Умеет же она у меня помурыжить…

Вообще-то, исходить на мыло в этой молчаливой паузе полагается не мне, а Ветрову, но когда это я отказывалась от дополнительных нагрузок? Нервничаю за него и за того парня, моего нервоза на четверых хватило бы, и это если заливать его под завязку.

Из конюшни наконец-то, подтягивая ремешки шлема под подбородком, выходит переодевшийся Ник. Боже, да неужели. Вроде одиннадцать минут его не было, а мне показалось – целый час. Его коня выводят следом. Ну, твою ж мать, Ольшанский.

– Ты с ума сошел? – шиплю я, как можно тише, ловя Ника за рукав.

Взгляд, который я получаю, несколько не соответствует никаким моим представлениям о самоощущении Ника. Недоумение и даже легкое недовольство. Ни следа осозна-

ния.

– Ты хочешь сказать мне, что я зря строил из себя идиота и разводил Ветрова на заезд? – невозмутимо уточняет Ник – на мое счастье тоже вполголоса. – Милая, у тебя есть лучшие идеи, как щелкнуть его по носу и избавиться от него заодно?

– Да кто тебе вообще сказал, что от него можно избавиться? – я кидаю на Ветрова вороватый взгляд, и только после этого озвучиваю свои подозрения. – Он ведь может не сдержать слова, проиграет – и сделает вид, что его не касаются ваши условия. Он, мол, пошутил и все такое, и вообще не собирался ни на что подобное спорить.

– Ну, в таком случае, – Ольшанский криво ухмыляется, – я точно буду знать, что его слово – всего лишь пшик. И церемониться с ним мне больше не будет необходимости.

Он звучит спокойно, вроде бы даже успокаивающе, но мои глаза все равно прикованы к тому, что происходит за плечом Ника, а именно, к моей дочери и Ветрову.

И я не могу, не могу без ужаса смотреть, как Маруська тянется к Ветрову обеими руками, обвивая его шею, да еще и что-то спрашивает «шепотом, на ушко».

Ветров думает пару секунд, а потом отвечает ей в той же тональности, из-за чего эмоциональное личико моей дочери будто освещается изнутри, сопровождаясь радостной улыбкой. Даже не радостной, а счастливой, будто она лично увидела Деда Мороза пролетающего над нашей крышей в своих санях, на волшебной собачьей упряжке.

Господи, что он ей такого сказал?

У меня сводит все, что только может свести. Липким, мерзким страхом, подсказывающим мне только такие варианты ответа, которые вообще не могут утешить.

– Вика, – Ник осторожно касается пальцами моего плеча, – я вижу, тебе сейчас плохо. Пока он здесь, лучше не станет. Да, я его подловил. Он же самолюбивый павлин, он не мог удержаться от того, чтобы покрасоваться перед тобой и Машей еще раз. Я очень хочу, чтобы ты, наконец, вздохнула спокойно. В конце концов, у нас выходные, и я не хочу, чтобы их что-то или кто-то омрачил.

Увы, он прав. Ветров умудряется все портить даже дистанционно, проникая в мои мысли, с недавнего времени – еще и в мои сны. Вот только…

– Или, может, ты не веришь, что я одержу над ним победу? – Хватка Ника на моем плече становится настойчивей. – Неужели ты думаешь, что я не знаю, что делаю?

– Знаешь, наверняка, только… – я зябко ежусь, пытаясь наконец внятно сформулировать настоящую причину своего беспокойства. Которая беспокоит меня куда больше того, что Ник впрягся в дурацкое соревнование, которое вообще-то могло бы быть довольно безобидным, по крайней мере, лично мне до его развлечений докапываться повода бы не было.

– Только? – переспрашивает Ник.

За его спиной Ветров стягивает с головы свою шляпу и

широким жестом приземляет её на затылок Маруськи. Та с широченнной улыбкой прижимает папин подарок к своим волосам. И крутится перед ним, как профессиональная кокетка, явно недовольная тем, что рядом нет никакого зеркала.

Злится она, ага. Как же. Ужасно злится…

Я не в претензии. Еще тогда, в конюшне, я видела, что Маруське хочется мира, хочется вот этого – пусть даже и недолгой болтовни с папой.

Она тоже по нему скучала.

Ну, это если считать, что он действительно сказал ей правду…

– Давай представим, что ты победил, Ник, – наконец произношу я, кажется нащупывая нужную струну, – и, о чудо – Ветров сдержал слово и к нам даже не подходит.

– Это ведь хороший вариант, Вик, – спокойно замечает Ник.

Хороший. Любой вариант, в котором Ветров находится далеко от меня – хороший. А уж как хорошо было, пока его в моей жизни вообще не было…

– Как будто, – я киваю, по-прежнему пребывая в какой-то прострации, – только как ты думаешь, как отнесется моя дочь к дяде, что победил её папу и заставил его отказаться от встречи с ней?

Ник молчит, будто это не я сейчас твердо смотрю ему в глаза, а какая-то Медуза Горгона, обратившая его в ростовое

мраморное изваяние. Только лицо у него и напрягается еще сильнее.

– Твою мать, – тихо выдыхает он, осознавая, насколько тесные вокруг него сомкнулись клещи, – и он… это тоже…

– Предполагает? – уточняю я, косясь на Ветрова. – Да, наверняка. Иначе бы он просто не согласился. Ветров не берется на слабо, если ему это невыгодно. Так что или он рассчитывает у тебя выиграть и покрасоваться за твой счет, или проиграть, но Маруська сейчас это точно не оценит. Не те условия, чтобы она такие штуки принимала спокойно.

Ник снова замолкает и раздраженно хмурится.

– Может, ты откажешься от этого дурацкого пари? – я настойчиво стискиваю запястье Ника пальцами. – Пожалуйста, я только-только успокоила дочь. Я не хочу даже думать о том, что будет, если Маруська запишет тебя в кровные враги.

– Да я тоже не хочу, – Ник едва слышно поскрипывает зубами, и встряхивает головой, – но отказаться… Это же проигрыш, чистой воды, самый позорный из всех возможных. И даже если Ветров и не вздумает потребовать с меня выигрыш, это все равно будет надо мной висеть. Предложи мне еще взять собственное достоинство и выслать Ветрову по почте, перевязанное бантиком.

Ну и потрясающе!

Висеть над ним это будет!

А надо мной его выигрыш висеть не будет, конечно. Только стоять высоким памятником той части мужского тела, ко-

торой теперь накроются эти мои выходные.

Господи, мужики, с этой их идиотской логикой «отказался от спора – значит, проиграл»…

И это их неутомимое желание во всем всегда выигрывать.

– Вик, – Ник пытается поймать меня за локоть, но я шагаю в сторону и уворачиваюсь от его руки.

Пусть решает сам, что ему важно: его самолюбие или наши перспективы. Ведь строить отношения с мужчиной, который совсем не нравится моей дочери, я точно не буду. Возможно, так будет даже проще…

Господи, а это-то что за мысли?

– Ну, все, солнышко, мне пора, – Ветров выпрямляется и на секунду мы с ним все-таки сталкиваемся глазами.

Онегинские «волна и камень» – самое то описание для этого «схождения».

Мой взгляд – кипуче-кислотный, его – прохладно-спокойный. Да. Он совершенно точно понимает, что делает. Вон, даже ухмыляется слегка, явно представляя все последствия происходящего.

Интересно, а какой именно вариант представляется Яру наиболее выгодным?

– У тебя усталые глаза, Вик, не выспалась? – вот именно этой фразы я от Ветрова сейчас не ожидаю. Даже вскидываюсь, лишний раз впиваюсь глазами в его лицо, пытаясь разыскать подвох.

Комплимент – это бы я еще поняла, он легко их может от-

пустить, даже используя их как издевки, но вот это внезапное беспокойство – такое странное для человека, который намеренно отнимает у меня все, что мне дорого…

Выспишься тут, когда некоторые не дают мне покоя ни днем, ни ночью. Сон всплывает в памяти совершенно не к месту, и я с досадой ощущаю, что краснею, будто Ветров может подслушать мои мысли.

– Я и приехала сюда отдохнуть, – холодно отрезаю я, чтобы лишний раз не расстраивать Маруську, исключительно выражением лица передавая Ветрову «от тебя». Даже если он вдруг не поймет – я, по крайней мере, для себя все нужные слова додумаю.

– Болейте за меня, девочки, не прогадаете со ставкой, – ухмыляется Ветров после недолгой паузы, с которой вглядывается в мое лицо и что-то внутри себя взвешивает.

Значит, все-таки намерен выиграть? Это хорошо.

Я оборачиваюсь.

Ну, что там Ник, может, все-таки надумал отказаться от этого идиотского спора?

Нет, не надумал. Пока я обменивалась выпадами вербальных шпаг с бывшим, Ник уже подошел к своему коню и осторожно поглаживает его по морде, будто здороваясь. Если быть точнее, подошел он к каурому, песчано-рыжеватому жеребцу, который уже нетерпеливо приплясывает за белой оградкой поля для скачек.

Они явно знакомы, лошадь будто по привычке требова-

тельно тыкается Нику в ладонь мордой и находит в ней кусок яблока.

Итак, знакомая лошадь, привычный клуб.

Сколько еще плюсов будет на стороне Ольшанского?

Он, поди, и стипль-чезом этим именно и занимается.

Жаль только, мрачная, но решительная физиономия Ника не настраивает на спокойный лад. Не один Ветров тут настроен победить.

Я ловлю себя на том, что все сильнее начинаю на Ника злиться. Нашел, блин, место и время устраивать эти мальчишеские разборки с отстаиванием своей мужской чести.

Интересно, с кем он сюда приехал – со мной или с Ветровым? Вот с ним пусть и спит, раз честь в его глазах так ронять не хочет.

– Марусь, – я осторожно тереблю дочь за плечико, – у нас занятие, может быть, пойдем туда? Мы ведь опоздаем.

А так, может, эти два петуха-недобитка разберутся без нас, а я потом смогу как-то замять это дурацкое условие.

– Я хочу посмотреть, как папа победит дядю Ника, – откликается Маруська. Блин! Вот все я верно поняла, Ник тут явно не в фаворитах. И ведь может стать хуже. Есть куда ухудшать.

– А ты сама разве уже расхотела учиться держаться верхом? – хороша бы я была, если бы уступила ребенку с первого же раза и не продолжила продавливать нужный мне вариант.

Тем более, что она и правда ведь хотела.

Маруська закусывает губешку, теребя шнурок ковбойской шляпы, что должен бы висеть под подбородком, а моей мелкой достает аж до груди. Сомневается.

Ну, давай, малышка, поддавайся на искушение. Неужели я за восемь лет не научилась тебя правильно искушать?

– А давайте я с тренером договорюсь, о том, чтоб вас местами со следующим учеником поменяли, – подскакивает слева вездесущая и сейчас заработавшая себе крепкое проклятие Олеся.

Если бы я могла, я бы дала этой купленной Ветровым посовушке в нос.

Только и нельзя, и поздно.

Маруська уже все, что надо услышала. И просияла!

– А так можно? – сквозь зубы цежу я, надеясь, что хоть по тону «умница» Олеся поймет, что правильный ответ тут: «Нет, нельзя, ни в коем случае, извините, оговорилась и вообще ошиблась с тем, что родилась на свет такая болтливая».

– Конечно, сейчас я сбегаю к Руслану Геннадьевичу, – мало того, что наш инструктор оказывается абсолютно невосприимчивой к моим мысленным посылам, так она еще и тут же испаряется, даже не уточнив, кто именно у нас тренер. Точно знает, явно…

Отговорок больше нет, и я, и Маруська теперь имеем отличную возможность понаблюдать, и как Ник заставляет коня пробежаться бодрой рысью по свободной от препятствий

дорожке, и как Ветров его в это время ожидает.

Ну что ж, побеждает тот, кто придет первым к финишной черте.

Мы же с Маруськой поднимаемся на места для зрителей, на которых моя козявка, не мудрствуя лукаво и делая вид, что она и близко не замечает свободных сидений, плюхается ко мне на колени. Одной-то скучно, да?

Я только крепче прижимаю к себе дочь. Теплую, родную и нетерпеливо ерзающую в ожидании «когда же они начнут».

Боже, как же хорошо, что Яр даже близко не догадывается, как попал со своей просьбой. Потому что я…

Я буду, кажется, болеть именно за него.

10. Скачки и прочие неприятности

Это оказывается интересно.

Настолько, что я аж втягиваюсь.

Какая жалость, что я ни черта в этом не понимаю. И судить о ходе гонки могу только на свой дилетантский взгляд.

Но…

Даже на свой дилетантский взгляд я могу оценить отличную форму обоих всадников. Да, и на первое впечатление, и на все последующие, Ветров, оказавшийся на скаковой дорожке и резко сменивший положение тела – теперь уже стоящий в подтянутых стременах и склонившийся к спине летящего вперед Милорда, – смотрится абсолютно на равных с Ником.

А может быть, даже чуточку получше.

На этой постыдной мысли я себя ловлю, как будто на попытке воровства. Факт того, что я при этом еще и зачарованно таращусь на ту часть тела Ветрова, что у него находится пониже спины, точно можно считать отягчающим. Потому что я, чтоб меня, любуюсь!

Не будь я у себя единственной и неповторимой, за такое преступление точно бы казнила себя на месте. Вот ведь, нашла на кого пялиться, да еще и слюнки пускать. Мне ведь даже по роду отношений сейчас полагается пожирать глазами совсем другого участника гонки. Но с него глаза соскаль-

зывают…

Очень печальный симптом, если так задуматься…

Но я попробую задуматься об этом не сейчас. Сейчас есть проблемы поактуальнее.

– Плюшка, чуть-чуть потише, – жалобно прошу я, потому что, кажется, вот-вот оглохну на одно ухо, правда, точно не понятно, на какое, в обоих звенит – это Маруська на моих коленях возбужденно подскакивает и радостно воет во все горло, когда Ветров с Милордом берут очередное препятствие, прекрасно заменяя обоим целую трибуну с болельщиками.

– Я болею за папу, – веско обосновывает мне дочь, и после этого громкость ее восхищения даже подрастает, хотя мне казалось, что это уже невозможно.

Хороший у Плюшки голос, громкий. Как раз для занятий каким-нибудь вокалом, соседям на радость. Ну, а что, не все же им в восемь утра над моей головой жестоко эксплуатировать перфоратор. Должна же я наконец отомстить?

Я болею за папу.

И все-таки я хорошо знаю свою дочь. Она у меня ужасно азартная, с ней даже в настолки сложно играть, потому что проигрыши она ужасно близко к сердцу воспринимает.

А Ветров все-таки практиковался вот в этом их… стипль-чезе, да, потому что что-то мне сомнительно, что он бы сунулся на дорожку, если бы не был уверен, что сможет её пройти и не уронить своего авторитета в Маруськиных глазах.

Потому что вот лично мне, на самом деле, страшно иногда становится, когда Милорд взмывает над землей, чтобы пролететь над очередным «мини-рвом» или барьером из густого колючего кустарника. А ну как лошадь неправильно приземлится? А ну как Ветров кувыркнется через её голову и свернет себе шею? Это самая ужасная концовка, которую можно придумать для этой баллады.

Даже с учетом моей к нему ненависти, я этого не хочу. Хоть иногда и накатывает такая паника, что кажется, что наши с ним разборки можно решить только чьей-нибудь смертью, но это все – только внешнее, пустое.

Первый круг они с Ником будто бы даже не напрягаются. Это заметно даже мне, хотя я не особенно представляю, как именно выглядит лошадь в галопе или быстром аллюре, но низкий накал у начала гонки все-таки очевиден.

Что-то я слышала про то, что в гонках великими всегда становились те лошади, что всю скачку шли в хвосте и берегли силы.

Вот и эти – первый круг проходят будто бы даже без спешки, берегут силы, разогревают лошадям мышцы.

А вот к концу второго круга уже становится понятно: мы вышли не просто на лошадок посмотреть, а все-таки на гонку двух настроенных на победу наездников. Темп движения у лошадей сразу становится откровенно гоночным.

Нельзя сказать, что кто-то вырывает явный перевес, они идут нос к носу, грудь в грудь – и тут я имею в виду части

тела лошади, разумеется. И…

Нет. Милорд вдруг резко наращивает темп и с разгона снова перемахивает самое широкое препятствие на пути – там, где линия колючей изгороди прикрывает канаву с водой.

Ник отстает.

А я сижу, опустив подбородок на острое плечико дочери, кусаю губу и пытаюсь убедить себя, что радоваться проигрышу кавалера – не страшно. Ну, я же просто не хочу ничего обострять.

Плевать было бы, если бы Ветров и Ник устроили эту гонку просто так. В этом случае проигрыш особого веса не имел бы, ну, максимум Маруська бы впечатлилась и крутизной дяди Ника, я бы только этому порадовалась.

Так ведь дело было не только в этом.

А в требовании к Ветрову в случае поражения держаться подальше от нас, избегать, тем самым уклоняясь и от общения с Плюшкой.

Ник все-таки слишком много на себя взял. И я надеюсь, что он это поймет. Потому что если не поймет, как бы этой ошибке все-таки не стать последней в наших отношениях.

И почему мне кажется, что я только ищу повод? Для чего?

Ох, нет, это тоже потом. Все потом. Сейчас не хочу об этом думать. Тем более, что Ветров вырвал у Ника фору уже в целую лошадь – Милорд едва не попал хвостом по морде соперника.

Только бы так все и осталось, только бы ничего не поме-

нялось в этой их расстановке сил. До конца этой дурацкой гонки, до финишной черты осталось треть круга и всего четыре препятствия…

Ага, сейчас, ну конечно. Размечталась я, конечно…

Ник досадливо понукает лошадь, пуская в ход хлыстик, и она тоже прибавляет ходу, быстро сокращая разрыв. Черт!

Два препятствия. Финишная прямая. Кони идут наравне, но лошадь Ника будто бы по чуть-чуть, но все-таки обгоняет Милорда…

– Папочка, давай, – во весь голос вопит Маруська, сложив ладошки рупором, так что никакого громкоговорителя нам не надо. И вот тут происходит сразу несколько событий.

И Ветров подается вперед, резко прикрикивая на Милорда. И Ник быстро оборачивается к нам, на долю секунду, но… Мне кажется, или он чуть ослабляет натяжение поводий?

Это не все. Последнее событие в этой цепочке событий – самое мозговыносящее.

Вошедший в раж Милорд впивается зубами в шею идущего с ним вровень соперника. Тот шарахается, ступает копытом в грязь только что оставленного позади препятствия, оскальзывается…

Ник кубарем летит на землю. Прямо под копыта!

Я не знаю, каким чудом я догадываюсь торопливо зажать Маруське уши. Женская интуиция, больше не на что и ки-

вать. Ничем другим невозможно было предугадать крепчайшее, жгучее и совершенно нецензурное словечко, которое вырывается изо рта Ветрова и которое слышно и на дальнем конце поля, не то что на наших ближних трибунах.

Я не знаю, как он это делает, вижу только, как резко натягиваются поводья, причем резко – это слабо сказано. Милорд встает на дыбы, опасно меся копытами воздух над головой Ника.

Но потом уходит в сторону. Фух…

Ветров, однако, как супермен успевает еще и опасно перегнуться вперед и с размаху хлестнуть распахнутой ладонью по морде и лошадь Ника, заставляя и её шарахнуться в сторону подальше от своего оказавшегося вне седла наездника.

Все это я застаю уже на бегу, хотя я бы сказала, что на лету, потому что я все-таки очень тороплюсь успеть к раздаче.

Хочется иррационально наорать на Ветрова, обвинить его во внезапной блажи коня, ну, не знаю, может, есть какая-нибудь команда “Фас” в лошадином эквиваленте. Только…

Чушь все это.

Даже я, которая повесит на Ярослава Ветрова любые прегрешения, и никаких доказательств мне надо, только внятную гипотезу, это понимаю.

До конца круга оставалось не так много. Он еще мог успеть вырвать победу у Ника. Тем более, что он…

– Ник… – я наконец достигаю белого невысокого забора, отделяющего трибуны от скакового поля, и перегибаюсь че-

рез них, вглядываясь в этого придурочного спорщика. Живой. Шевелится. Его офигевшую лошадь уже успел оттащить в сторону бдительный конюх кавказской наружности, а сам Ник так и не встал: сидит на притоптанной земле скаковой дорожки и, если судить по выражению его лица, пытается восстановить собственный разлетевшийся на осколки мир. Ну, или он еще просто не оклемался от падения. Ему копытом по голове не прилетело хоть? Вроде, нет на шлеме вмятин. А вдруг на черепе есть?

Хотя нет, держится он за грудь… Там мозга нет. Неужели все-таки прилетело копытом? Я была готова поклясться, что нет, но… Там все было слишком быстро, я могла просто не заметить…

– Наигрались? – ядовито выдыхаю я, выпрямляясь и скрещивая руки на груди. – А если бы ты шею свернул?

Не могу удержаться, увы. Меня, если честно, жутко колотит от осознания того, что только что чуть не произошло. И сердце колотится где-то в районе мозжечка, хотя положено же где-то в горле, но мы благополучно проскочили пару лишних этажей.

Ник то ли не слышит, то ли не знает, что мне ответить. Скорее первое – потому что как-то заторможенно даже реагирует на мой голос.

Это сотрясение? Или просто шок?

– Он не свернул, – меланхолично вклинивается Ветров, – так что убери лобзик, дорогая, кружок резьбы по дереву се-

годня выходной.

Он держит приплясывающего Милорда поодаль, в доброй дюжине шагов от Ника, и до этого момента оставался в седле, но вот сейчас неторопливо соскальзывает со спины коня.

– А твое мнение мне вообще не интересно, – свистящим шепотом уведомляю я, пользуясь тем, что Маруська близко не подошла и подпрыгивает на нижней ступеньке трибун, так что вряд ли услышит, – и никакая я тебе не дорогая.

– Ой ли? – Ветров насмешливо фыркает, окинув меня более чем ехидным взглядом, а потом присаживается на корточки и, заглядывая в лицо Нику, щелкает перед его носом пальцами. – Эй, каскадер, как слышно?

– С-сам ты к-каскадер, – после заминки секунд в пятнадцать Ник все-таки откликается, с очевидным трудом фокусируясь на лице Яра.

– Мда, – Яр недовольно покачивает головой, – хотел спросить, готов ли ты продолжать, но видимо, в другой раз. Ты идти можешь? Пошли-ка, Николай Андреевич…

Он наклоняется ближе к Нику, заставляет опереться на его плечо.

– Куда ты его тащишь? – тут же вскидываюсь я и под невозмутимо-спокойным взглядом Яра начинаю ощущать себя дурой.

– В кусты, – фыркает Яр с той же насмешливой интонацией, – у меня там спрятан топор, и я поиграю с Николай Андреичем в Родиона Раскольникова и старушку-процент-

щицу.

– Ч-чур, п-процентщицей будешь ты… – все еще слегка заикаясь, но уже чуточку быстрее не удерживается Ник. В своем репертуаре. Шутить, наверное, будет даже на собственных поминках.

Но он шутит. Значит, вероятно, будет жить. Не описать двумя словами, какая тяжесть сваливается сейчас с моих плеч.

– Лучше объясни, где тут медчасть, клоун,– озадачивает Ника Ветров, уже подводя его к ограде, у которой я подхватываю Ника с другой стороны.

Этот вопрос заставляет нашего пострадавшего зависнуть, но в неизвестности нам с Ветровым остаться не суждено – к нам присоединяются и конюх, уже привязавший на расстоянии друг от друга и Милорда, и его противника, и Олеся, наконец-то вернувшаяся из долгого турне к нашему с Маруськой инструктору.

Меня в роли волокуши сменяет конюх, и они с ним напару ведут Ника за перепугавшейся и от того вдвое больше разболтавшейся Олесей.

А я оборачиваюсь к Маруське и без лишних слов протягиваю к ней ладонь.

Даже не известно, кто сейчас кого больше успокаивает – я её или она меня.

А ведь это он из-за меня в это все ввязался. И пострадал, получается, – тоже из-за меня…

11. Красная карточка для третьего лишнего

– Ох, ты ж…

Судя по выражению лица местной медички, она очень хочет прибавить к моему вздоху пару непечатных выражений, но репутация клуба требует от неё большего трепета перед клиентами.

Она не выражается – трепет на этом заканчивается.

Кровоподтек на спине у Ника красочный, яркий, хоть в справочник гематом его фотографируй, и с каждой секундой наливается все большим количеством ярко-лилового.

Копытом его задел во время падения его собственный поскользнувшийся конь – Мираж, как я уже знаю, – вроде бы, вскользь, но хорошо так задел, от души.

Да, на Нике был защитный жилет, но он все-таки помогает избежать травм непосредственно при ударе о землю, а от удара копытом с размаху защитить не смог.

– Ну, скажите спасибо, что не по позвоночнику, – хмуро бурчит медсестра – этакая строгая молодая девица, которая вообще не одобряет все эти опасные развлечения, но и идиотов надо спасать, поэтому она тут и находится, – тут мог быть перелом.

– И сотрясение мозга, если бы прилетело по голове, –

тихонько добавляю я, больше для самой себя, а Ник кисло морщится. С учетом ватки с нашатырем, которую он только-только поднял к носу, смотрится забавно.

Поднял, глубоко втянул в себя “бодрящий” запах нашатыря, скривил еще более кислую физиономию и снова опустил руку с ваткой.

– Ник! – произношу я громким шепотом и укоризненно указываю ему взглядом на это средство приведения в себя, намекая, что эту штуку от носа обычно не убирают. Ник же косится на меня взглядом раненого Цезаря и продолжает строить из себя несломленного героя, который ни в каких нашатырях не нуждается. Он и так прекрасно сидит. Ну и что, что с заметным креном в левую сторону?

Господи боже, ну почему, почему я не взяла с собой сковородку?

Какой незаменимой вещью она бы оказалась в этом путешествии. Сколько темных головушек я просветила бы…

Нет, Ник уже худо-бедно оклемался, уже не заикается, уже глаза худо-бедно сносно реагируют на речь собеседников, но лицо его медленно, но все-таки приобретает синюшно-бледный оттенок. И сидит он, закостенев, явно не испытывая никакого желания лишний раз шевелиться.

– Давайте вы мне кольнете обезболивающего, и я пойду уже, – Ник произносит это нетерпеливо и с демонстративной бодростью, хотя, если честно, пойти он сейчас может только если пару шагов до местной койки, а там лечь и не шеве-

литься.

Выражение лица у медсестры становится еще более убийственным.

– А вы точно головой при падении не ударились? – елейным голоском уточняет это дивное создание. – Мужчина, у вас, очень вероятно, сломано ребро, а если и не сломано, то как минимум трещина точно есть, вам нужно на рентген и к травматологу. И госпитализация желательна.

Судя по выражению лица Ника, госпитализация как раз нежелательна. Теоретически, я бы и сама не хотела, чтобы так все вышло, но если уж так вышло, лучше бы он все-таки послушал врача.

– А у вас рентгена нет разве? – хмуро спрашивает Ник, передергивая голыми плечами.

Голыми.

Я задумчиво смотрю на покрытые ровным светлым загаром лопатки и ловлю себя на мысли, что медфетишистки из меня не выйдет.

Симпатичный мужчина, по характеру – вообще чудо из чудес, мышечный рельеф замечательный, проработанный, никаких тебе складочек, но…

На него не хочется залипать. Его хочется заставить принять горизонтальное положение тела и укрыть одеялом, до тех самых пор, пока врач не приедет.

Дело только в том, что он пострадавший?

Сколько денег я не пожалею на эту ставку?

– Ну почему, есть у нас рентген, только он для лошадей. Вы, сударь, готовы изобразить из себя мерина или кобылу? – тон у этой дивной мадемуазель самый что ни на есть саркастичный.

В иной раз я, наверное, бы возмутилась таким хамством, но в этой ситуации я, пока еще безмолвно, на стороне медички. Серьезно, он уже бледный как немочь, еще чуть-чуть, и можно будет под покойника даже не оформлять. И надо же – на подвиги!

– Может, все-таки как-то можно обойтись? – Ник смотрит на меня укоризненно, явно уже понял, что поддержки от меня дожидаться не стоит.

– Мужчина, если вы не успокоитесь, я вам вкачу снотворного, и вас госпитализируют спящим, – жестко сообщает нам медсестра, убирая длинную прядь темных волос за ухо, – мне так можно, если пациент ведет себя безалаберно по отношению к своей жизни и здоровью.

Мне кажется, этой медсестре до чертиков нравится поддерживать этот дурацкий спор, тем более, что в его исходе она не особо сомневается. По крайней мере, отвечает она с каким-то садистским удовольствием, будто ей приятно обламывать надежды своих нерадивых пациентов.

Наверное, как всякая приличная девушка, я сейчас должна ревновать? Или не должна?

Не, не хочется вообще. Эх!

Чем дальше, тем неутешительней становятся мои выводы.

– Живым снотворному не дамся, – Ник вздыхает невесело, а пальцы его накрывают мою ладонь, опущенную на колено.

И никаких лишних слов не надо. Все понятно и без них. Он капитулирует.

– Как же по-идиотски все вышло, – тихо шепчет Ник, прислоняясь к моему лбу своим, – думал убрать Ветрова, в итоге должен убраться сам.

А Ветров – гад, как всегда выиграл. Ничем не рисковал и выиграл. Даже больше, чем было оговорено. По крайней мере, Нику с Маруськой наладить контакт уже не удастся.

А надо ли было?

– Езжай, – тихо произношу я, чуть опуская ресницы, чтобы не грузить его собственным огорчением, а еще чтобы он не ощутил вдруг удачной возможности для поцелуя, к которому я сейчас не готова, – я соберу наши вещи и…

– Да брось, – Ник покачивает головой, – я оплатил коттедж до конца выходных, у тебя оплачено занятие для Маши. Завтра приедет Козырь, и ему нужен будет переводчик. Оставайтесь.

Это все, конечно, мило, и на самом деле поводы веские, но… как -то это все неловко…

Особенно с учетом тех мыслей, что я ловлю в своей голове весь этот день.

Пользоваться расположением мужчины, точно зная, что взаимностью ему не отвечаешь, – это так по-стервозному.

– Если я налажал, то что ж вам, совсем выходные портить? – продолжает Ник, явно правильно истолковав мою растерянную его предложением физиономию. – Отдыхайте. Тебе нужно выспаться. Жаль, что Ветров тут будет действовать тебе на нервы, но тут уж ничего не сделать. Я не представляю, что может заставить его свалить. Да и я сам от своей дочери бы не уехал, так что могу его понять.

– Ну, вот не надо Ветрова мерять по себе, – немножко устало возражаю я. Хотя… Что-то в его словах отдается и у меня.

Исходя из аналогичных мыслей, я разрешала Ветрову встречи с Маруськой до суда в первый раз. И он, вроде, кажется искренним – с ней. Со мной – все та же сволочь, чей иск трактуется совершенно недвусмысленно.

– Ну, если бы не он, я бы мог ребрами и не отделаться, – Ник пожимает плечами, – по гроб жизни я ему, конечно, не задолжал, но все-таки благодарность имею…

– Ты хотел проиграть? – тихо спрашиваю я, просто потому, что потом уже и не знаю, как получится спросить. – Я видела, ты ослаблял поводья…

– Наблюдательная, – Ник фыркает, на этот раз уводя взгляд в сторону, – нет. Проиграть я не хотел. Хотел свести в ничью. Так, чтобы и твой сценарий не сработал, и чтоб самому ему не задолжать.

– А так разве можно? – удивленно уточняю я, припоминая практику современных скачек. И что-то я о ничьей там

не слышала. А вот о том, сколько копий сломлено за пару лишних пикселей преимущества одной лошади, вырванных у другой, – немало. Даже для моей исключительно поверхностной осведомленности в этой теме.

– Ну, если автоматический фотофиниш вышел из строя еще на прошлой неделе… – Ник тянет это достаточно красноречиво, чтобы я все поняла.

То-то он еще с инструктором разговаривал, небось, уточнял, не устранили ли неисправность.

– Ну ты и жук, Николай Андреевич, – я легонько пихаю его в плечо, боясь переборщить и лишний раз потревожить больную зону. Вот уж чего не ожидала от Ольшанского, так это вот такого.

– Ну, не все же Ярославу Олеговичу меня уделывать, как думаешь? – Ник хмыкает и болезненно морщится послевкусию этого смешка. Ребра его явно не желают, чтобы их таким образом беспокоили.

– Машину подали, – вклинивается в наш разговор нахальная медичка, – давайте, сударь, с вещами на выход, я вас провожу. И сопровожу, чтоб убедиться, что вы нашему водителю голову не задурили, что я вас из-за мелкой ссадинки в больницу гоняю.

Нет, это что-то с чем-то, даже попрощаться нормально не дают. Я еще даже не успела ни на что согласиться, принять решения, а мне уже всунули в пальцы колечко с двумя ключами.

– Ник… – я беспомощно наблюдаю, как мой кавалер с помощью медички натягивает снятую футболку, – может, все-таки…

– Отдыхай, – Ольшанский категорично покачивает головой, а потом встает со смотровой кушетки, опираясь на плечо медсестры, – я позвоню Козырю, сознаюсь, что выбыл на неопределенный срок. И извини, что я так бездарно спустил наши выходные. Не нужно было…

Я выдавливаю из себя кислую улыбку – после драки, как известно, кулаками не машут. Выхожу вслед за медсестрой из её кабинета. Именно там, на лавочке рядышком друг с дружкой шушукаются Ветров и Маруська. Очень интересно, на какую тему?

Я вообще-то не хотела их оставлять вдвоем, но это отдавало такой паранойей – тащить Плюшку за собой, в медпункт, смотреть на синяки постороннего ей мужика, когда есть рядом чертов папочка, который может пригодиться для того, чтобы посидеть с дочерью двадцать минут.

Даже он не сможет заморочить ей голову за такой короткий период времени.

Я это понимаю. И все равно беспокойство скребет меня изнутри, заставляет сердце беспокойно ворочаться в груди.

– Вам помочь? – обеспокоенно спрашиваю, глядя на хрупкую фигурку медички, изящность которой особенно ощущается рядом с рослым Ником, но девушка категорично дергает подбородком.

– Все в порядке! Бывали и потяжелей пациенты. Тем более мы идем сами, я только как опора выступаю.

– Не провожай, – устало просит Ник, оборачиваясь, и я явственно вижу его тоскливые глаза, – а то я все-таки не поеду. Не смогу тебя оставить, и все тут.

Неловкости внутри меня становится столько, что грудная клетка ощущается как грозящий лопнуть воздушный шарик.

– Позвони мне, когда скажут, что там с ребрами, – требую я обеспокоенно, потому что даже вопреки тому, что как к мужчине меня к нему не тянет, как человек он меня по-прежнему волнует. Хороший, надежный. Один вопрос: что ж я-то такая дура и не могу оценить его должным образом? Пытаюсь, пытаюсь, но чем больше пытаюсь, тем хуже выходит результат.

Ладно, разберусь с этим позже, когда он хоть чуть-чуть оправится после травмы.

Сейчас момент для откровенных разговоров совершенно не подходящий. Да и вообще ни для чего он не подходит, этот вот момент моей жизни. Особенно для того, чтобы я с кем-то пыталась строить отношения. Меня предстоящий суд занимает больше, чем сотня самых красивых мужиков мира, даже если они шоу мокрых маек специально для меня устроят.

Это, в общем-то, и все наше прощание с Ником.

Я не иду его провожать, как он и просит, просто останавливаюсь посреди коридора, невидящими глазами сквозь

стеклянную дверь глядя, как Ника аккуратно подводят к машине и помогают ему устроиться.

Не давая себе ни минуты на лишние раздумья, на каблуках разворачиваюсь к Ветрову, ловлю его пришибленный взгляд. Что, неужели все-таки чувствует себя виноватым? Яр? Да ладно, ни в жизнь не поверю!

А один на один с ним оставаться все-таки страшновато…

– Ну, и о чем мы тут шепчемся? – вопреки всему, что меня одолевает, интересуюсь я, пытаясь просканировать Ветрова на предмет коварных замыслов.

– О том, что папа уже не хочет меня забирать, – звонко и на полкоридора возвещает Маруська.

А вот такого ответа я точно не ожидала…

12. Одна сплошная яма

Если Ветров что-то и умеет по-настоящему хорошо, так это сотрясать мой мир от края до края. А после – занимать все место на моих руинах.

Это правда?

Или как всегда?

Он ведь снова пытается задурить мне голову, не так ли?

Какая выгода? Маруська ведь наверняка уже сдала ему, что я разрешила им погулять, много ли нужно, чтобы разболтать информацию, которая так и жжет маленький язычок.

Тем более, мама не сказала, что это тайна, так ведь?

Я гляжу на дочь, всю такую радостную, что улыбка как-то сама ползет по моим губам.

Сообщница мелкая!

На нее даже сердиться нельзя, ведь она же не сказала ничего плохого, всего лишь рассказала маме то, что ей папа сказал.

А папа…

Ветров выдерживает мой взгляд спокойно, кто бы сомневался, что он это может. Эх, жаль все-таки, что я не киборг, не умею считывать искренность.

Улыбка на моих губах все-таки удерживается – расстраивать дочь мне не хочется, а вот взгляд становится холоднее, как только я перевожу его на лицо Яра. Ох, с каким бы удо-

вольствием я его придушила – все жилы уже из меня вытянул. И продолжает тянуть.

– Я еще на неделе хотел сказать, – ровно поясняет Яр, прямо глядя на меня, – только… У нас с тобой не вышло разговора.

Дивно.

Меня же еще и укоряют в том, что я не захотела с ним разговаривать. Меня! Которая пыталась выстроить с ним контакт, как оказалось – подыгрывая его интригам.

– Может, поговорим не здесь? – Ветров будто спохватывается, что проходная медпункта конного клуба – не самое подходящее место для откровенных разговоров.

– И не сейчас, – добавляю я, красноречиво указывая ему глазами на Маруську. Выяснять наши с ним отношения при дочери точно не стоит.

– Да, пожалуй, – Ветров будто одолжение мне делает, соглашаясь с моими условиями.

Или просто соглашается?

Черт его разберешь, у него же столько двойных доньев вечно находится у каждого слова, у каждого поступка. Что называется, скажи спасибо, дорогая, что он с тобой не спорит.

И все-таки, что за гадость он задумал на этот раз? Зачем подговорил Маруську брякнуть при мне про эти его якобы переигранные планы? Ведь подговорил же. Или она все-таки брякнула это случайно, как хорошую новость для нервнича-

ющей мамы? Ведь помнит же наверняка, как я ревела, сидя на полу нашей маленькой кухни, после того дивного разговора с Кристиной Лемешевой. Ох!

Ладно, еще обдумаю это подробнее, сейчас есть дела поважнее.

– У нас занятие по верховой езде, – напоминаю я, снова опуская глаза на Маруську, чтобы хоть чуть-чуть растопить этот ледяной комок в груди, – и нам пора уже идти. Если ты не передумала, конечно.

Мелкая тихонечко и не очень довольно сопит. Так пригрелась на коленях у Ветрова? Яр склоняется к её ушку, что-то шепчет ей. Мелкая радостно улыбается и спрыгивает с его колен. Только диву можно даваться, как легко она поддалась очарованию собственного папочки. Ведь она с такой осторожностью относится к чужим людям.

– Папе ведь можно посмотреть, как я катаюсь? – деловито спрашивает моя егоза, явно примеряющаяся к роли дипломата.

– Ну, если он хочет… – обращая взгляд к Ветрову, я очень надеюсь, что у него такого желания не находится. Увы. Он явно не настроен оставлять меня в покое и берет Маруську за левую лапу, шагая к дверям.

Это наверняка будет самый длинный день в моей жизни…

На улице Маруська цапает за ладонь и меня. Её любимое – идти вот так, за руки со мной и Ветровым.

Как семья.

Ох, уж это «как», так настырно впивающееся мне острыми зубами между лопатками.

Все, наверное, могло бы быть. Если бы для Яра все было по-настоящему, а не так, как оно было.

Поиграть в семью, задурить мне голову, вышвырнуть как ненужную моську, просто так, когда наскучила…

Моя семья, в которую я так верила, сгорела, как бумажный городок, и так же легко рассыпалась пеплом по ветру. И ведь это не я бросила спичку…

На самом деле, необходимости в спешке не было. Тренер оказывается еще занят тем учеником, с которым нас поменяли местами, и еще пятнадцать минут мы честно стоим и ждем, когда придет наше время.

На Ветрова я не смотрю, да и он, слава богам, помалкивает. Это вообще немножко карикатурно – то, как мы оба болтаем с Маруськой, отвечаем на её вопросы, но друг с другом и парой фраз не обменялись.

Когда приходит её очередь, Маруська замирает у входа в вольер – небольшой, специальный, чтобы лошадь водили в поводу по кругу, – и оборачивается ко мне.

– Папе ведь можно будет со мной еще сегодня поиграть? – дипломатическая миссия моей любимой козы явно еще не окончена.

Коза, как есть коза. Это все папины пробивные гены? Ну, не так уж плохо, что они у неё есть.

– Я тебе обещала, Плюшка, – невозмутимо напоминаю

я, – я его от тебя веником гонять не буду.

– И пылесосом тоже? – на голубом глазу хихикает Маруська.

– Увы, я не взяла его с собой, – я развожу руками, а потом улыбаюсь и говорю прямо, – папа пробудет сегодня с тобой столько, сколько захочет.

– И спать можно попозже лечь? – с какой сказочной скоростью растут наши запросы. Нам палец в рот не клади…

– О, нет, – тут я слабину давать не намерена, – раньше можно, позже – ни-ни. Иди уже, Плюш, тебя тренер ждет.

Впрочем, за мои деньги Руслан Геннадьевич явно согласен еще подождать.

Плюшка вздыхает по своему неудавшемуся маневру, но без особой печали – видимо, и сама понимала, что вряд ли прокатит, но попробовать-то стоило, – и все-таки заходит в вольер.

– Спасибо, – негромко произносит Ветров, находясь за моим плечом.

Надо же, он знает это слово? И даже для меня его произносит! Какие удивительные события происходят в моей жизни.

– Это не ради тебя, – глухо отвечаю я и пытаюсь отодвинуться. Только и Ветров двигается за мной следом, будто моя тень.

– Я знаю, – Яр неторопливо качает подбородком, – но я правда тебе благодарен, Вик.

Иногда мне кажется, что его спокойствие меня доконает.

Рычащий и угрожающий Ветров, явившийся предлагать мне денег за мое увольнение из Рафарма, был мне понятен. Этот, затаившийся в тени змей, снова замысливший очередную мудреную интригу, не вызывает ничего, кроме острой паранойи.

Маруське в это время помогают первый раз облачиться в защитную экипировку. Подтягивают ремешок шлема под подбородком, подтягивает ремешки на плечах жилета. Я вроде и знаю, что первые занятия выстроены так, чтобы риск был сведен к минимуму, и все равно после случившегося с Ником у меня посасывает под ложечкой. Он ведь опытный всадник, а Маруська такая мелкая. А лошадь вот, напротив, – большая. Почему так?

– Жеребят не ставят под седло, это для них вредно, – замечает Ветров, отвечая на мой – к моему удивлению, озвученный – вопрос, – не волнуйся, это очень спокойная лошадь. Других для детей не выбирают.

– Ты это на глаз видишь? – язвительно интересуюсь я. Яд подпускаю я напрасно, Маруська в сопровождении тренера подходит к лошади, спокойно подергивающей ушами, и довольно бойко протягивает к ней ладошку, стремясь прикоснуться к подрагивающему носу.

– Вообще, я узнавал, – тоном выдающего чистосердечное признание преступника отвечает Ветров, – хотя на глаз тоже можно определить, насколько спокойно животное. Кони, по

крайней мере.

– Потрясающая бдительность, – я скрещиваю руки на груди, пытаясь избавиться от озноба, что меня трясет. Стоять рядом с Ветровым и разговаривать оказывается слишком нервно.

– Ну что, мы поговорим? – мягко спрашивает Ветров, придвигаясь ближе. Еще ближе? Он и так стоял почти вплотную, а теперь я лопатками ощущаю, как задеваю его куртку. И не двинешься ведь никуда – впереди оградка вольера, вбок тоже не уйдешь – с этого места ракурс на Маруську лучше…

Хотя нет, все-таки он сдвинулся, будто одумался, встал рядом со мной, опустил руки на ту же оградку, как и я.

– Поговорим, – отстраненно откликаюсь я, глядя, как мелкая в это время осторожно поглаживает свою гнедую красотку, выстраивая контакт, – точнее, давай ты поговоришь, а я послушаю и сделаю вид, что мне не тяжело держать на ушах кастрюльку лапши. Или ты думаешь, что если Маруське наврал, я тоже поверю?

– Ты же знаешь, я не могу полностью отказаться от иска, – произносит Ветров без особого удивления моим словам, – я не смогу потом снова претендовать на установление отцовства. А подавал я его на эмоциях, после того, как узнал, что ты от меня утаила сам факт Машкиного рождения. Я был чудовищно не прав, я понял.

Понял он.

Взял и понял.

Я с трудом удерживаюсь от язвительного вопроса, не случалось ли у него черпно-мозговых травм в это время. А то с чего бы такие осознания?

– Ветров, не трать красноречие и эту волшебную дивную сказочку оставь кому-нибудь другому, – я крепче скрещиваю руки на груди, чтобы унять озноб. – Маруське ты голову задурил, мне не надо. У меня есть адвокат. И пока я в суде не увижу твое заявление об отзыве части иска, эта вся твоя восхитительная чушь про осознание и сожаление так и останется чушью.

– А после? – настырно донимает меня Яр. Вот ведь, актер недобитый. Оставил бы уже меня в покое.

– А какая разница? —я невесело пожимаю плечами. – После у тебя будет все: подтвержденное отцовство, график встреч – ну, или Маруська, которую ты у меня заберешь. Есть разница, буду ли я тебе верить?

Ветров отвечает не сразу. Сначала он молчит, глядя, как усевшаяся в седло Маруська неловко пытается держать спину и как её лошадь медленно бредет в поводу по кругу.

А потом он двигает свою ладонь так, чтобы будто невзначай коснуться моего мизинца своим. Самым кончиком пальца задевает мою кожу, а меня будто током покалывает от этого прикосновения.

– Ты ведь не поверишь, если я скажу, что разница для меня есть, так ведь? – будто уже приняв эту мысль, спрашивает Яр.

Нет. Конечно, нет. Это даже спрашивать не нужно – все видно по моему взгляду.

– Мне очень нужно, чтобы ты мне верила, Вик, – произносит Ветров, не дождавшись от меня ответа вслух, – пока я этого не добьюсь – я не смогу выполнить обещания, что дал сегодня Машуньке.

– К-какого это обещания? – это внезапное заявление выбивает меня из колеи. И голос вдруг дает петуха, выдерживать его хладнокровным уже не судьба.

– Вернуть тебя, – Ветров слабо улыбается, – если говорить точнее, вернуть вас обеих.

Первое, что вырывается из моего рта после этого его заявления, – нервный смешок. Судя по пасмурно поджавшимся губам Яра, он надеялся на иную реакцию. А на какую? На слезы умиления и «да, милый, я согласна, когда будем начинать?»

– Ветров, неужели ты и вправду рассчитываешь, что я на это поведусь? – недоверчиво спрашиваю я, вглядываясь в его глаза. – Поведусь, расслаблюсь, брошусь к тебе на шею, ослаблю бдительность. И поверю в твои мирные намерения и роковую страсть, озвученные на словах? За два дня до суда? Ну, да, а потом ты мне, что, предложишь стать твоей любовницей, лишь бы быть рядом с дочерью? Чудно. И очень в твоем духе.

– Серьезно? – Ветров поднимает брови. – Думаешь, я бы стал с тобой так поступать?

– Можно подумать, ты при разводе обошелся со мной лучше, – парирую я и снова отворачиваюсь к Маруське. Хорошее надо чередовать с плохим. Меня успокаивает довольный вид Плюшки, которая все еще держится в седле и жутко этим гордится.

– Знаешь, если говорить о мирных намерениях… – Ветров хмурится, будто что-то внезапно вспомнил, а потом расстегивает куртку и что-то достает из внутреннего кармана, – мне есть, что тебе предложить, кроме слов.

Бумаги. Небольшая стопочка – пять или шесть листов, аккуратно сложенных вчетверо.

И их Ветров протягивает мне.

– И что это такое? – я подозрительно кошусь на бумаги, не торопясь их брать. Гипотезы у меня, конечно, есть, но все какие-то сплошь накуренные…

– Мировое соглашение, – поясняет Ветров невозмутимо, – по которому я больше не претендую на опеку над Машей и готов выплатить компенсацию по невыплаченным алиментам. Я его уже подписал. Нужна только твоя подпись. Более весомые доказательства моих мирных намерений тебе нужны?

13. Первые шажочки

Если и существует возможность нейтрализовать враждебность Викки ко мне, то она точно проигрывает этому моему маневру.

По крайней мере, у меня в выигрыше несколько минут, когда она думает о чем-то, кроме того, как перегрызть мне глотку.

Бумаги Вика просматривает прямо тут, не отходя от вольера, в котором катается Машутка. Еще и вцепилась в них так, что даже попытайся кто-то их у неё отнять – у него бы это не вышло. А вот лишиться пальцев – очень даже.

Давно я не ощущал себя настолько сволочью…

Потому что вот этот страх, этот суетливый взгляд, эти подрагивающие руки, до крови прокушенная губа – все моих рук дело. Это я её запугал.

– Там нет никаких подводных камней, – негромко замечаю я, – я составлял соглашение максимально прозрачным и выгодным для тебя.

И голову сломал на предмет такой компенсации, которую она бы приняла, а не швырнула мне в лицо. Надеюсь, не ошибся с выбором.

– Предлагаешь поверить тебе на слово? – взгляд Викки проедает до кровавых язв. – Тебе?

– Проверь, – я касаюсь её пальцев, сжатых на соглашении,

стискивая их только сильнее, – только факты достойны веры, так ведь?

– Я… – Викки оборачивается к Машке, у которой еще не закончилось её занятие, – я хочу связаться со своим адвокатом. Обсудить это. Может, он сумеет проверить твои документы сегодня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.